

А. КОТОВЩИКОВА

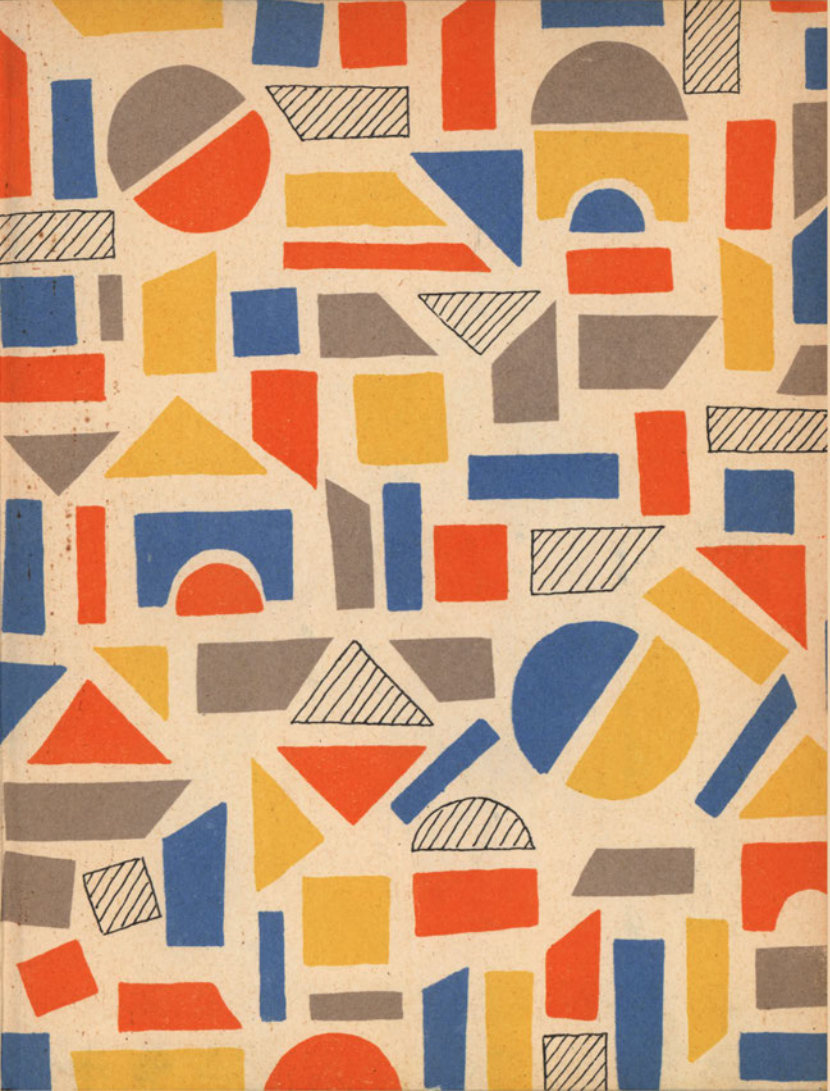
ПЁСТРАЯ ТЮБЕТЕЙКА

24 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

А. КОТОВЩИКОВА

ЁСТРА ТЮБЕТЕЙК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД 1966

Р 2мл
К 73

Рисунки Б. Михайлова

ОТ АВТОРА

Ребята играли во дворе в прятки. И вдруг из всех своих укрытий выбежали, столпились посреди двора. С чего начался спор, не знаю. Я подошла, когда он уже вовсю разгорелся.

Мальчик лет десяти говорил громко и возбуждённо:

— За своих товарищей я горой стою, всё для них сделаю! А что мне какой-то незнакомый мальчишка? Да я его знать не знаю.

— Хорошо же ты рассуждаешь! — насмешливо возразила ему девочка в новеньком пионерском галстуке. — Да ты знаешь, как такое... отношение называется?

— Моя хата с краю — вот как это называется! — закричал мальчуган помладше, из третьего, наверно, класса.

— При чём тут «хата с краю»? — Мальчик сильно покраснел. — Когда с моим товарищем что-нибудь случится, первый брошусь на помощь!

— А тонуть при тебе будут? — строго спросила пионерка. — Тоже сперва посмотришь, знакомый или незнакомый, а потом уже кинешься спасать?

— Тону-уть! — протянул мальчик. — Совсем другое дело. Если тонет, тогда, конечно, некогда раздумывать. Так он же не тонул, тот мальчишка, а просто ногу расшиб. Откуда я мог знать, что у него сломалась? И всё равно кто-нибудь его поднял бы.

Тут такой шум поднялся, что у меня в ушах зазвенело. Все ребята кричали разом:

— Кто-нибудь! Кто-нибудь! На других надеешься?

— Хочешь, значит, чтобы за тебя сделали? А твоё дело — сторона...

— А если бы с тобой такое случилось? Хорошо бы тебе было?

— Стыдись, Генка! — голос девочки постарше, на вид — шестиклассницы, прозвучал так отчётливо, что ребята притихли. — В нашей стране человек человеку друг, товарищ и брат. Даже и незнакомому, первому встречному...

Эта шестиклассница и объяснила мне, за что ребята напали на Генку.

На днях Генка бежал по переулку, торопился в кино. Вдруг шедший впереди него мальчик поскользнулся, упал и не мог подняться.

На секунду Генка приостановился:

— Ты что не встаёшь?

— Нога... — простонал мальчик. — Позови кого-нибудь!

Генка оглянулся по сторонам. Переулок безлюдный...

— Опаздываю, — сказал Генка. — Сейчас сеанс начнётся. — И убежал.

Минут десять пришлось мальчику пролежать на обледенёлом тротуаре, пока подоспели прохожие и вызвали «Скорую помощь». Генку он узнал — они учились в одной школе, только пострадавший в седьмом классе, а Генка в четвёртом — и рассказал товарищам, как Генка ему не помог. Постепенно об этом все ребята в Генкином дворе узнали...

Слушая рассказ девочки, я вспомнила историю, случившуюся с хорошо знакомыми мне ребятами.

Девочки, которым вскоре предстояло начать учиться в школе, узнали, что плохо живётся одному малышу. Нет, они не были с ним знакомы. Мало того: чтобы помочь мальчику, надо было сначала его найти...

Как Надя и Аня пытались спасти неизвестного малыша, как втянули они в поиски первоклассников Вадика и Вовку Баскова, с какими хорошими и даже удивительными людьми повстречались девочки, какие беды свалились на Вадика, как баловался неугомонный Петя, младший брат Ани, и сердился пенсионер Трофим Иванович, в какие неожиданные происшествия попадали ребята, — вы узнаете, прочитав эту повесть.

МАЛЬЧИК В ОКНЕ

В то утро как раз началось воскресенье.

Если бы это было не воскресенье, а какой-нибудь другой день — среда, или пятница, или хоть суббота, — то, наверно, не случилось бы того, что случилось. Во все другие дни, кроме воскресенья, все люди идут на завод, в детсад и в школу. Другие дни так и называются: буд-ние. Потому что маму будит будильник, она встаёт и будит папу и детей.

Но в то утро — начало воскресного дня — будильник не звонил. Будить ему было некого: папа уехал в командировку, а мама и Надя были выходные.

Сразу после завтрака Надя кинулась к окну. Посмотреть, кто уже гуляет во дворе. А что погода хорошая, и так видно: вся комната залита солнцем.

Просторный двор пуст. Желтеют песочники. Тонкие деревца качаются на ветру. Верхушки — сплошь в зелёных крапинках.

— Листочки родились! — радостно закричала Надя. — Вчера веточки голые торчали. А никого ещё. . .

И вдруг увидела такое, что чуть не свалилась с подоконника, на котором сидела. Но не во дворе увидела, а в окне дома, стоявшего сбоку от Надиного. Там тоже взобрался на подоконник мальчик. Он был в одной беленькой майке. На голове у него пестрела разноцветная тюбетейка. Рот мальчика был широко открыт в безмолвном — через двойные рамы не слышно, — но отчаянном крике.

Рядом с мальчиком показался усатый мужчина. Он схватил мальчика за худенькое голое плечо, занёс тяжёлую руку над головой в пёстрой тюбетейке. Мальчик вырывался и кричал, кричал. И вот всё исчезло: оба скрылись в глубине комнаты.

У Нади сильно стучало сердце. Что это? Ужас какой! Усатый дядька бил мальчика. Большой, толстый — маленького, худенького! Пять лет ему, наверно, не больше. На целые два года мальчик в тюбетейке моложе Нади: ей-то неделю назад уже семь лет исполнилось, осенью в школу пойдёт. Да как он смеет, этот усатый дядька? Пьяный, должно быть. Надо сейчас же пойти и сказать: «Вы не имеете права бить своего племянника!» Конечно, усатый — дядя мальчика. Папы усов не носят, только дедушки и всякие дяди. Приехал откуда-нибудь к ним в гости, родителей дома нет, а он и давай колотить племянника, злодей! Даже если мальчик сделал что-нибудь не так, бить нельзя. Может, он его всё ещё бьёт, только уже не у окна. Отнять, спасти этого цыплёнка в тюбетейке!

— Мама! Мама! — закричала Надя.

Ой, мама же, как убрала со стола, сразу в магазин ушла. . .

Надя соскочила с подоконника, помчалась в переднюю, сорвала с гвоздика пальто, заглянула в кухню:

— Я гулять побежала по срочному делу!

Соседка тётя Клава, пожилая работница с папиного-мамино завода, жарила яичницу.

— Иди, но чтобы со двора ни ногой! — эту мамину фразу она произнесла маминым тоном.

— Знаю, — сказала Надя и захлопнула дверь.

Выскочив во двор, она остановилась возле дома, в одном из окон которого кричал мальчик. Сейчас она поднимется по лестнице, позвонит, войдёт и скажет:

— Не смейте бить ребёнка, а то я папе пожалуюсь, когда он вернётся из командировки. За что вы его побили? Что он сделал?

Немного страшно идти: дядька-то с усами злой. Но надо же защитить мальчика. Где то окно? На какой этаж подняться?

Надя задрала голову, оглядела фасад дома и... растерялась. Окон было много, и все они синевато отсвечивали. Вот не сосчитала этажи, когда глядела с подоконника... Нельзя же обойти все-все квартиры и в каждую звонить! Что делать? Конечно, посоветоваться с Анечкой. Они вместе ходят в старшую группу детского сада, вместе пойдут осенью в школу. И вообще Аня — лучшая Надина подруга.

УЖАСНЫЕ ДЕТИ

Дверь Наде открыл Анин папа.

— Здравствуй, Надюша, — сказал он ласково. — Снимай пальто. — И ушёл в комнату.

Оттуда сейчас же раздался его голос, очень строгий:

— Ну, я жду! Живо признавайтесь во всём!

В передней у Ивановых, так же, как дома у Нади, рядом с большой вешалкой была низко прибита маленькая. На ней висело три пальто. Теперь повисло четвёртое — Надино.

Надя вошла в комнату.

Её лучшая подруга Аня и два её брата, пятилетний Петя и трёхлетний Ваня, стояли в ряд, опустив головы. Напротив них сидел на диване папа и зачем-то тёр себе лоб и щёки.

— Ну? — сказал он вопросительно и зевнул.

— Мы болтались в аквариуме, — пробурчал Петя.

На столике у окна стоял аквариум, и Надя на него посмотрела: целы ли рыбки? Две золотые рыбки шевелили хвостами среди водорослей, а третьей что-то не видать...

— Строго запрещено плескаться в аквариуме, — подавляя зевок, сказал папа. — Но это я уже слышал. Дальше...

— Я накрасила брови гуталином, — жалобным голоском произнесла Аня.

Только теперь Надя поняла, почему такое знакомое лицо Анечки показалось ей каким-то странным. Вместо бровей-то у Ани красные полосы.

— Разве у вас гуталин красный? — удивилась Надя. — А зачем ты накрасила брови?

Анечка сжала губы, слезинки покатились у неё из глаз.

— Гуталин у нас чёрный, как у всех людей, — сказал папа. — Отмывать его пришлось щёткой, натёртой мылом, и очень долго... Когда я пришёл с ночной смены, у моей дочки на лбу извивались две чёрные толстые гусеницы. Мне даже страшно стало. Аня хотела походить на Шамаханскую царицу из сказки, но не учла, что в те времена такого трудноотмывающегося гуталина ещё не производили... Так. С гуталиновыми бровями покончено. Но это ещё не всё. По лицам вижу, что вы натворили что-то ещё...

Зазвенел звонок. Папа устало поднялся и пошёл открывать. Вернулся он вместе с пенсионером Трофимом Ивановичем, жившим этажом ниже. Этот маленький сухонький белоусый старичок сейчас был похож на рассерженного ёжика. Едва переступил порог, сразу зафыркал:

— Слушай, Пётр! Я тебя уважаю, как отличного инструментальщика, как изобретателя и всё такое! Но твои ужасные топчущие дети! Они проломают мне когда-нибудь голову. Как проснутся, так сразу сыплют с потолка штукатурку. Хуже лошадей топают, скачут и всё такое, будто у них по восемь ног у каждого. И все ноги, это самое, — с копытами!

— Садись, Трофим Иванович, — папа показал на диван. Старичок сел, отфыркиваясь. — Понимаешь, какое дело, жена ушла в магазин, а я должен был тут же прийти с ночной смены. Так что минут двадцать им бы и побыть одним. Но я не-

много задержался. Пришёл, а тут... А бабушка-то где же? Из-за этих бровей и спросить не успел.

— Из-за бровей? — вытаращил глаза Трофим Иванович. — Уже заговариваешься, Петруша? Хотя с такими детьми...

— Бабушка в церкву уползла! — звонко сказал Ваня.

Петя захохотал:

— Что ли бабушка змея?

— Вот! Вот! — зафыркал Трофим Иванович. — Преступников вырастишь, Петька, тебе говорю! Про родную бабку такое! Не дети — аспиды какие-то!

— Кто это — аспиды? — спросила Надя.

— О господи, — завздохал Трофим Иванович. — Развёл детсад, майся теперь!

— Аспиды — это скверные люди, — объяснил папа. — Те, которые непочтительно говорят о старших. Как ты смел, Ванюшка, сказать «уползла»? Надо было сказать «ушла».

— Так она же сама, сама! — закричал Ваня. — Сама сказала: «Поползу-ка я в церковь. А папа, — говорит, — сейчас придёт». А ты и не сейчас пришёл!

— Правда, она так сказала, — вступилась Аня и вдруг заговорила плачущим голосом: — Папа! Мы уж тебе сразу скажем... И больше ничего, правда, ничего такого не было! Мы, понимаешь, только попробовать хотели...

— А они оказались сладкие! — сказал Петя.

— Что вы пробовали? — грозно спросил папа.

— Мы сначала по одной попробовали, — торопливо сказала Аня. — А потом Петька взял сразу штукек... пять. А тогда Ваня себе в рот сыпанул немножко. А потом уже всё равно совсем мало осталось и... Петька доел.

— Что, что вы съели? Да говори же, наконец! — прикрикнул папа.

— Бабушкины пилюли, — прошептала Аня.

— Гемо... го-ме-о-па-ти-ю! — выпалил Петя.

— Сладкие потому что, — пискнул Ваня.

В комнате стало тихо. Папа, Трофим Иванович и Надя смотрели на Анечку и её братьев. Папа — растерянно, Трофим Иванович — с ужасом, даже белые усы встали у него торчком, Надя — с испугом.

Папа ладонями потёр себе щёки и сказал негромко:

— Вы в самом деле кошмарные дети! А где бутылочка от этих пилюль?

— Ваня её куда-то закатил, — виновато ответила Аня. — Мы уже искали...

— Петруша, вызывай «Скорую помощь»! — прохрипел Трофим Иванович. — Ведь это лекарство. Они у тебя, выходит, отравленные...

Папа тяжело вздохнул:

— Большая ты девочка, Анюта, как тебе только не стыдно? На какой-то несчастный час нельзя одних оставить. Сколько пилюлек пришлось на каждого?

— Не знаю, — заплакала Аня.

Надя подошла к подруге и обняла её за плечи. Неужели Анечка отравленная? Какое несчастье!

— Ваня сколько съел? — спросил папа.

— Мало. Не успел он. Может, три штучки. Петька ведь сразу все сглотал.

— Пойду по телефону «Скорую помощь» вызову, — Трофим Иванович поднялся. — Жалко младшего Петра Петровича-то, хоть он и аспид... гм! гм!

— Подожди, дядя Трофим...

Папа притянул к себе Петю, поставил его между колен, вгляделся ему в глаза и надавил пальцем на живот.

Петя захохотал:

— Не щекотись!

— Там, папа, было немного в бутылочке, этих белых шариков, — сказала Аня. — Они уже кончались у бабушки.

— А от чего она их принимала, не знаешь?

— Чтобы ножки у неё не болели, — сказал Ваня.

— Ну, у Петра Петровича ноги не болят, — хмыкнул Трофим Иванович. — Стукотит ногами своими спозаранку и до самой ночи. Ты зачем без надобности чужое лекарство слопал? — накинусь он на Петю и повернулся к папе: — Так что? Не вызывать, что ли, «Скорую помощь»?

— Мы вот что сделаем, — сказал папа и зевнул так сильно, что зубы у него лязгнули. Петя хохотнул. Папа щёлкнул его по лбу и повторил: — Сделаем мы вот что... Кстати, я в гомеопатию не очень-то верю. Хороша только тем, что вреда тоже не приносит. Так вот, — он посмотрел на Надю, — на тебя, Надежда, вся моя надежда...

— На Надежду надежда, — засмеялся Петя.

— Этот изо всех троих самый первостатейный. — У Трофима Ивановича сердито шевельнулись усы. — Самый что ни на есть заводной!

Папа только взглянул на Петю и продолжал:

— Ты, Надюша, хоть и старше Ани всего на месяц, но умнее. Возьми-ка всю мою троицу и ступайте гулять. Кормленные вы?

— Да-а! — хором ответили дети Ивановы.
— Мама нас утром хорошо накормила, — добавила Аня.
— Вот и идите гулять. А я спать лягу. Смена была трудная, и у меня уже глаза сами закрываются.
— А ничего, что Петя отравленный? — спросила Надя.
— Думаю, ничего. Если у него вдруг что-нибудь заболит, бегите домой. Долго ли на второй этаж?
— Такому и отравы не во вред, — покосился на Петю Трофим Иванович. — Отдыхай, Петро! Да на будущее усмири ты всё-таки своих детей. Чтобы штукатурка на голову не сыпалась и всё такое.

С помощью пофыркивающего Трофима Ивановича Аня надела пальто и шапочки на Петю и Ваню, потом оделась сама. И Надя живо всунула руки в рукава пальто.

Трофим Иванович открыл перед ними дверь:

— Уползайте! — он смутился, закричал, махнул рукой. — Пропадёшь тут с вами! Мозга за мозгу заскочит.

ФОКУСНИК

— А как это мозга за мозгу заскакивает? — спросил Петя, когда они пришли под деревья к песочнику и Ваня стал лопаточкой насыпать песок в ведёрко.

— Не знаю, — сказала Надя. — Наверно, так заскакивает, как у тебя все мозги заскочили, когда ты бабушкины пилюли съедал. И как тебя папа не отлупил?

— Пока не бьёт, только обещает, — беспечно сказал Петя и запрыгал на одной ноге.

— Тебя-то следовало бы и побить... Ой, как же это я забыла!

— Что ты забыла? — спросила Аня.

Она тихо сидела на ска-

мейке, прижмурив глаза и подставив солнышку свои красные, подпухшие брови.

— Ты же не знаешь, что случилось! Злодейство просто! — Надя подсела к Ане, обняла её за плечи и быстро, взволнованно зашептала ей на ухо.

— Вы чего это шепчетесь?

Перед девочками стоял Вадик, держа за руку сестрёнку Аллочку.

Кудрявая, розовощёкая Аллочка, как всегда, сияла улыбкой. Была она постарше Вани и помладше Пети, — значит, ей было четыре года. А Вадик был, наоборот, тощенький и очень серьёзный. Надя с Аней считали Вадика самым умным после пап и мам человеком во дворе. Да ведь он скоро во второй класс перейдёт — шутка ли?

— Посоветуемся с ним, ага? — спросила Надя.

Аня кивнула.

— Понимаешь, Вадик, мы не знаем, какой этаж! — горячо заговорила Надя. — Дядька усатый и злой. А мальчик маленький, белокуренький. И майка на нём белая. Вообще там почему-то много было белого... Но у мальчика такая пёстрая-пёстрая тюбетейка!

Аллочка вскарабкалась на скамейку и весело запела:

— Бютетейка! Бютетейка!

— Какой усатый дядька? Какая бютетейка... ой, тюбетейка? — поправился Вадик, в недоумении моргая ресницами. — Алка, ступай к Пете с Ваней, погляди, что они там строят из песка?

Аллочка послушно слезла со скамейки и побежала к мальчикам.

— Ну, как же ты не понимаешь, Вадик? — удивилась Надя. — Дяденька приехал и бьёт своего племянника. Разве это хорошо — бить детей? И вот...

— А откуда ты знаешь, что он приехал? — перебила Аня. — Может, он тут живёт? Мы же не всех людей здесь знаем.

— Как всех знать? — солидно заметил Вадик. — Огромный ж-жилмассив!

Девочки посмотрели на него с уважением: какое слово! Вот он, второй-то класс в скорости!

— Значит, неизвестный человек бьёт ребёнка... — сказал Вадик. — А откуда ты знаешь, что он его бьёт?

Анины красные брови удивлённо приподнялись: Вадик, хоть и самый умный, но всё-таки немножко бестолковый!

— Да видела же Надя! Сама видела! В окно!

— А-а... Ну и чего вы хотите от этого дядьки и от этого мальчика?

— Как? — закричали девочки. — Ведь нельзя же бить маленького! Мы ему скажем... Но как его найти?

— Так он вас и послушает! Впрочем, можно сказать дружинникам. Я знаю: в квартире сто сорок пять живёт дружинник. Он работает в одном цеху с моей мамой. Мама говорит: «Евгений здорово борется с хулиганами».

Произнеся всё это очень серьёзным и веским тоном, Вадик замолк, плотно уселся на скамейку, вытянул ноги и прикрыл глаза. Что это с ним?

— Вадик, ты что молчишь? — подождав немножко, спросила Надя.

— Считаю, сколько квартир надо обойти дружиннику, — важно ответил Вадик. — Если в каждом корпусе по пять этажей... ты хоть корпус знаешь?

— Вон тот, — показала Надя рукой.

— Именно тот? — наклонив голову, Вадик с глубокомысленным видом прищурился на дом, что показала ему Надя. — Я же и говорю: пятиэтажный. Если на каждой площадке по четыре квартиры, то это будет... сколько?

— Обходить все квартиры ног не хватит, — сказала Надя.

— Ног у нас много, — возразила Аня. — У тебя, у меня, у Вадика, это уже шесть ног. Петькины, Аллочкины и Ванины ноги, конечно, не в счёт.

Хоть и не в счёт, Петины ноги работали здорово. Песок во все стороны летел из-под его ботинок. Петя рыл землю каблуками и рычал:

— Я — лев! Я — лев!

А вокруг него бегала Аллочка и умоляла:

— А я буду гебемот! Я буду гебемот! Ну пожалуйста! — Она часто путала слова, переставляла в них слоги.

— Нет! Р-р-р! — рычал Петя. — Н-не... р-р-р... будешь! Ты — попугайка, а Ваня — мартышка! А я лев! Р-р-р!

— Петя! Петя! — закричала Аня. — Ты Ване глаза замусоришь. И Аллочке. Перестань! Играйте в зоосад по-человечески. Слышишь?

— Не слышу! И по-русскому не понимаю. Только по-львиному. Р-р-р! — отвечал Петя, взметая песок ногами.

— Я буду гебе... А-а-а... — Аллочка схватилась рукой за глаз.

— Так и знала, засыпал ей глаза! — Аня вместе с Надей кинулась к Аллочке.

— Подумать не дадут, — проворчал Вадик. — Ведите её сюда!

Аня за плечи подвела к скамейке плачущую Аллочку. Надя шлёпнула по спине Петю:

— Не лев ты, а просто дурак! Говорили тебе: не рой песок, в глаза кому-нибудь попадёшь. Идём, Ванечка, подальше от этого... аспид!

Она взяла Ваню за руку и потащила его к скамейке.

Вадик строго приказал Аллочке:

— Моргай сильнее и проморгаешься!

Но Аллочка только держалась рукой за глаз и тоненько вопила.

— Я ей попробую вынуть! — Надя решительно оторвала руку Аллочке от лица. — Подними головку! Открой пошире глазик! Не бойся!

Надя живо обтёрла пальцы о пальто, подула на них и протянула указательный палец к Аллочкиному глазу. Но не успела прикоснуться.

Двор пересекал широкоплечий молодой человек. В один миг он метнулся к ребятам и схватил Надю за руку.

— Э-э, братцы, не дело затеяли. В глаза руками не лазают. Глаз — орган тонкий... Сейчас, девочка!

Человек поставил на скамейку небольшой чемоданчик, приоткрыл его, достал комочек ваты.

— Стой смирно! Сейчас фокус покажу. — Рука человека ловко обхватила и приподняла голову Аллочки. — Смотри на меня! Раз-два-три!

Молниеносное движение пальцев с зажатой в них ваткой — и хохотушка Аллочка улыбается во всю свою круглую рожицу:

— Не больно уже! Всё прошло! Всё прошло!

А широкоплечий сидит на скамейке с таким видом, словно совсем и не он только что вытащил песок из глаза.

Ребята смотрели на человека, разинув рты. Был он в синем плаще, но без шляпы. Светлые волосы коротко подстрижены, небольшие серые глаза посмеиваются.

— Вы, значит, фокусник? — спросил Петя.

— А ты лев, так и не подходи к людям! — прикрикнула на него Надя. — Да ещё и отравленный.

— Отравленный? — человек в плаще уставился на Петю. — Неужели?

— Потому что он бабушкины пилюльки скушал, — сказал Ваня и положил выпачканную в песке руку незнакомцу на колено. Аллочка оперлась локтями о его другое колено, снизу вверх глядя в лицо своему спасителю.

— Гомеопатические пилюли, — сказала Аня. — Мы по чуть-чуть, а он все сразу... от жадности.

— Недаром он лев, — заметила Надя.

— Трудновоспитуемый, — добавил Вадик.

У человека раздулись ноздри.

— Иди сюда, трудновоспитуемый, отравленный лев! — поманил он Петю. — Подождите, ребяташки.

Он отстранил Ваню и Аллочку и поднялся навстречу неуверенно приближавшемуся Пете.

Никто из ребят и мигнуть не успел, как Петя оказался в

воздухе. Он взлетал и опускался прямо в широкие ладони фокусника и кричал в восторге:

— Я космонавт! Я космонавт!

Потом все они сгрудились вокруг своего нового знакомого и не спускали глаз с его рук. Фокусник сел на скамейку, вынул из кармана верёвочку, завязал её в сложные, запутанные узлы, и вдруг — как это может быть? — она оказалась совсем не завязанной.

— Дядя фокусник, как тебя зовут? — спросила Аллочка.

— Павел Иванович, — ответил фокусник.

— А что у вас в чемоданчике? — поинтересовался Вадик.

— Тайна! — голос Павла Ивановича прозвучал глухо, как из бочки.

— Ой! — Аллочка прижалась к его локтю. — Мне стало немножко страшно.

Ребята замерли в ожидании: что необыкновенное сделает сейчас Павел Иванович?

Но в этот момент сразу из трёх форточек донёсся требовательный зов:

— А-аня! Пе-етя! До-омой! — кричали из одной форточки.

— На-адя! На-дю-ша! — кричали из другой.

— Ва-адик! — кричали из третьей.

Сговорились все мамы, что ли?

Аня озабоченно отряхнула Ване пальто, слегка провела пальцем по своим бровям, оглянулась на Петю, что он делает.

— Марш! — сказал Павел Иванович. — Раз зовут, надо сразу идти!

Петя попытался схитрить:

— А откуда вы знаете, что это нас зовут? Может, мы не Аня, и не Петя, и не Надя.

— Я, брат, и не такое ещё знаю, — загадочно сказал Павел Иванович. — Отправляйтесь!

Неохотно уходили дети от скамейки под деревом. Пройдя немножко, оглянулись.

— Да где же он? — ахнула Надя.

Все остановились и повернулись лицом к скамейке. Она

была пуста. Но ведь сию секунду Павел Иванович на ней сидел и помахивал им рукой. Неужели сквозь землю провалился? А что? На то он и фокусник.

ГДЕ-ТО РЯДОМ...

Обедали все втроём в кухне, за столом Селезнёвых: он был больше тёти-Клавиного. Суп и сырники сготовила Надина мама, а сосиски с картошкой и компот ели тёти-Клавины.

Держа сосиску на вилке, Надя сообщила:

— Неизвестно, как это так! Но все-все узлы у него сами развязываются, и он умеет вдруг исчезать!

— Кто умеет исчезать? — в один голос спросили мама и тётя Клава.

— Человек, с которым мы познакомились во дворе.

— Вечно ты что-нибудь выдумаешь, Надюша, — сказала мама. — Не может такого быть.

— Так он же фокусник! У него даже тайна есть в чемоданчике. Носит с собой тайну. А ты говоришь: не может быть!

— Настоящий фокусник у нас во дворе? — тётя Клава глядела на Надю с недоверием. — Слыхом не слыхала.

— Вот вы не слыхали, а я зато сама видела!

— Сомнительно, сомнительно, — покачала головой тётя Клава.

Надя обиделась.

— Ну, и ничего больше не расскажу! И как Петька все пилюли сглотал, а потом сделался львом, тоже не расскажу.

Мама и тётя Клава дружно рассмеялись.

— Это Ивановых средненький сделался львом? — сквозь смех еле выговорила тётя Клава. — Этот Петька?

Надя молча кивнула, надулась и даже любимые свои сырники есть не стала. Только компоту выпила две чашечки и ушла гулять.

Вадик был уже во дворе. Но на Надю он и не взглянул. Бежал от подъезда к подъезду вместе с другими будущими

второклассниками. Мальчишки прятались, внезапно выскакивали, крались вдоль стен дома. В руках у них были — у кого игрушечное ружьё, у кого палка или прут, а у Вадика из кармана торчал морской кортик.

«В разведчиков играют или просто в войну, — подумала Надя. — Дураки! Надо за мир бороться, а не в войну играть».

Ваня, Аллочка и Петя, наверно, спали после обеда. Хоть и воскресенье, а тихий час им надо соблюдать. Ваня — младшая группа, а Петя и Аллочка — средняя. Интересно, выйдет ли Аня?

Скамейки под деревьями были заняты. На них сидело много старушек и два-три старичка.

Солнышко пригревало.

Расстегнув пальто и засунув в карман берет, Надя прохаживалась под окнами Ивановых, очень недовольная собой. Так она и не рассказала маме про мальчика в тюбетейке. Хотя, может, мама с тётей Клавой и про мальчика не поверили бы? Сказали бы: «Такого не бывает!»

А вдруг мальчик до сих пор кричит и плачет? Надя прислушалась: ей почудился детский плач. Нет, это какой-то малыш на песочнике возле своей бабушки.

— Они-то все — и она, и дети Ивановых, и Вадик с Аллочкой — гуляли, с фокусником познакомились, потом обедали. Им-то хорошо, даже и Петьке, хоть он и отравленный и трудновоспитуемый, тоже хорошо. А мальчику в тюбетейке, наоборот, плохо. Беспокойно стало на душе у Нади. Как же она веселится, когда другому, где-то совсем рядом, плохо? И она даже десять раз или двадцать совсем забывала про мальчика и только потом опять вспоминала. Вот какая она, значит, плохая. И бестолковая! Фокуснику надо было рассказать про мальчика в тюбетейке — вот кому! Уж фокусник-то вмиг придумал бы, как найти мальчика и злого дядьку. . .

В эту минуту взгляд Нади случайно наткнулся на скамейку под стенкой того корпуса, где кричал мальчик. Надины ноги перестали двигаться: поражённая, она застыла на месте.

На скамейке сидел грузный мужчина и курил трубку. Из-под носа у него свисали усы.

С бьющимся сердцем Надя на цыпочках подбежала к усатому дядьке и осторожно присела на край скамейки.

Дядька её не замечал. Веки его были прикрыты. Можно было подумать, что он спит, если бы из трубки не шёл дымок. Разве во сне курят?

Надя пересела поближе к дядьке и заговорила тоненьким от волнения голосом:

— Извините, пожалуйста, у вас... есть племянник?

Дядька открыл один глаз, скосил его на Надю, вынул изо рта трубку и хрипло ответил:

— Есть.

— Зачем же вы его бьёте? — с возмущением, громко спросила Надя.

— Побьёшь его, как же! — насмешливо скривился дядька. — До него и рукой не достанешь. Как стал главным технологом на нашем заводе, так не то что побить, а и поговорить с ним не удаётся.

— Почему — главным технологом? — опешила Надя. — Такой маленький?

— Был маленький, — вздохнул дядька. — Лет этак сорок назад.

Усатый что-то ещё бормотал и зажигал спички, раскуривая погасшую трубку, а Надя была уже далеко. Умчалась со всех ног, потому что увидела Аню.

ПОИСКИ НАЧИНАЮТСЯ

Наконец-то Аня вышла из дому. Рядом с ней подпрыгивал Петя. Значит, тихий час он не соблюдал. Да у такого всё не по-людски.

Обмахивая беретом свои красные щёки, Надя подбежала к Ане.

— Досталось вам за пилюли и за брови гуталиновые?

— За пилюли мама очень сердилась, — призналась Аня. — А про брови...

— А бабушка не очень, — весело сказал Петя.

— Ты зачем перебиваешь? — прикрикнула на него Аня. — Говорят тебе, говорят, чтобы вёл себя воспитанно!.. А бабушка и правда мало сердилась. Она же у нас очень добрая. И она сказала, что раз Петьку не затошнило сразу, ещё утром, то потом пилюли не должны оказать худое действие. А про брови мы с папой никому не сказали. Вадик! Вадик! — позвала она.

Вадик подошёл не спеша, с солидным видом. Будущие второклассники куда-то убежали, и он опять стал замечать девочек, которые ещё только осенью пойдут в первый класс.

— А я придумал, как найти того дядьку, который бил мальчика! — объявил Вадик.

— Как? Как? — от нетерпения Надя схватила его за плечо.

Вадик помолчал, прокашлялся и сказал важно:

— Надо дать понюхать тютетейку собаке-ишейке! Вот!

— Ой, как здорово! — обрадовалась Надя. — Какой ты умный, Вадик!

— Умный-то он умный, — сказала Аня. — Только... Где же мы возьмём собаку-ишейку и ту тютетейку? Надо дать понюхать именно ту, мальчикову, тютетейку. А у нас никакой тютетейки нет.

— Пра-а-а-а-а! — разочарованно протянула Надя. — Ведь надо понюхать ту самую тютетейку... Но, знаешь, Вадик, что я подумала? Если мы ту тютетейку достанем, то мы и мальчика достанем. Ведь тютетейка-то у него на голове.

— Моё дело дать совет, — оскорблённо сказал Вадик. — А что у вас получится, это уж ваше дело. — И, заложив руки в карманы, он зашагал прочь.

Девочки грустно посмотрели ему вслед и с горя стали играть в «классы», обломком кирпича начертив на тротуаре клетки.

Петя летал на вертолёте. Размахивая руками, он с громким жужжаньем бегал вокруг «классов» и приговаривал:

— Сейчас во-он на ту стартовую площадку вертолётника. На Луне она! Р-раз!

Если Петька прыгал в клетку, где стояли на одной ноге Надя или Аня, обе девочки выталкивали его:

— Уходи! Не мешай! Вертолётничай в другом месте!

Играли-играли, и вдруг Надя двумя ногами наступила на черту. И даже не смотрит, куда встала.

— Всё-таки так нельзя! Нехорошо это!

— Что нехорошо? — спросила Аня.

— Что мы мальчика не спасаем, не защищаем его! Которого дядька бил.

— Но ведь мы не знаем, где он! Нет же у нас ни ищейковой собаки, ни тубетейки. И этаж не знаем... Вадик куда-то убежал. Конечно, мы и сами могли бы обойти все квартиры. Что мы, по лестницам ходить не умеем? Но куда я Петьку дену? Мне его поручили. Его по лестницам таскать нельзя. Непременно будет перескакивать через ступеньки и расшибётся. А, во-вторых, что мы скажем, когда нам дверь откроют?

— Ну-у... придумаем. Просто спросим: у вас есть маленький мальчик? Лет пять-четыре ему. Вы знаете, что дядька усатый его бил? Нельзя же бить маленьких! Да ещё таких худеньких. Если б ещё он был здоровяк, как ваш Петька...

Аня задумчиво рассматривала дом, который утром Надя показывала ей и Вадику.

— В какой-то из этих квартир живёт избитый мальчик... Гм!.. В какой-то одной. И не во всех же квартирах вообще есть пятилетние мальчишки.

— Может быть, ему четыре.

— Всё равно... Значит, надо пойти только в те квартиры, где живут мальчики четырёх-пяти лет... А знаешь что? Давай спросим у тех, кто живёт в том корпусе: в каких квартирах у них мальчишки маленькие?

— Ой, какая ты умница! — обрадовалась Надя, но тут же опечалилась: — А где же мы возьмём жильцов как раз того дома?

— Можно просто в какую-нибудь квартиру позвонить и

спросить. Но Петька... — Аня огляделась по сторонам. — А мы вон у тех бабушек на скамейках спросим. Наверно, там из всех корпусов сидят. Бабушки много знают. Петька, будет тебе жужать, пошли на песочник!

Девочки схватили Петю за руки.

— Да я ещё не приземлился! — закричал он. — Вы не можете меня держать! Я на высоте ста километров.

— Ладно, ладно, — успокаивала его Надя. — Считай, что мы тоже взлетели и до тебя дотянулись.

Сидя вплотную на скамейках и приглядывая за внучатами, копошившимися на песке, бабушки о чём-то неторопливо беседовали между собой.

Перебивать невежливо, тем более пожилых, да ещё старушек, да ещё незнакомых. Девочки это не раз слышали и от пап, и от мам, и от воспитательницы. Поэтому они нерешительно прохаживались перед скамейками, украдкой вглядываясь в бабушек; которая же из того дома?

Петю Аня водила за руку. Он важно шагал рядом с сестрой. Лицо его выражало любопытство. Но на втором заходе ему надоело.

— Вы чего ищете? — спросил Петя и вырвал свою руку. — Ты мне пальцы сломала!

Петькин возглас привлёк внимание старушек.

— Ай потеряли чего, девочки? — ласково обратилась к ним бабушка в коричневом платочке, сидевшая с краю на одной из скамеек.

— Не потеряли, нам надо узнать... — вежливым голосом начала Аня.

— Потому что злой дядька очень сильно бил мальчика! — громко выпалила Надя.

Все старушки оборвали свою беседу, притихли и уставились на девочек.

А потом посыпались вопросы:

— Кто бил?

— Кого били?

— Говорят, исколотили кого-то, — приложив руку к уху, наклонилась к соседке согнутая годами старушка.

— Не иначе как в шестьдесят пятой квартире! — прокричала та в подставленное ухо. — Там, известно, пьяница жи-вёт, каждый день дебоширит.

— Да дайте вы девочкам рассказать! — требовала одна из бабушек.

— Вон даже перепугались, бедненькие, — сетовала дру-гая. — Какой же это злодей их так напугал?

Надя и Аня и правда озирались с испуганным видом. Все старушки говорили разом. С дальних скамеек, от корпусов, пришли ещё люди. И они тоже спрашивали и высказывали разные предположения. Девочки оказались посреди гомоня-щей толпы и совсем растерялись. Вдобавок исчез Петя. Про-брался между длинными старушечьими юбками, да и был таков.

Аня встревожилась:

— Где же Петька? Мне велели глаз с него не спускать... И юркнула в толпу.

— Петя! Петя! — её голос раздался уже где-то за спина-ми людей.

Секунду поколебавшись, Надя кинулась за Аней.

Она догнала подружку уже возле подъезда Ивановых.

— Ты зачем меня бросила, — спросила она обиженно, — когда вокруг такое сделалось?

— Так ведь Петька сбежал. Ему, видите ли, на минутку понадобилось домой. Но я-то не знала, куда он удрал.

— Бестолковые оказались бабушки! — сердито сказала Надя. — Ничего не выслушали и сразу расшумелись. Вон и сейчас толпятся, говорят...

— А по-моему, это мы бестолковые, — сказала Аня. — Ты как закричишь: «Бил! Бил!» Они и всполошились. Надо было потихоньку, постепенно какую-нибудь одну спросить...

У Нади углы губ опустились книзу и в глазах стало сыро: значит, это она виновата, что не удалась их попытка погово-рить со старушками?

— Ничего, — утешила Аня. — Мы вот что сделаем: я нашу бабушку попрошу разузнать, в каких квартирах в том кор-пусе есть маленькие мальчишки.

— А твоя бабушка не переполошит всех вокруг? — забеспокоилась Надя.

— Ну, что ты! Ей-то я не при толпе, дома расскажу.

— Да ведь это когда ещё будет!.. Давай всё-таки сами пойдём хоть в какую-нибудь квартиру. Хоть попробуем найти этого малыша. Ну, А-анечка!

— Разве пока Петьки с нами нет? Только быстро-быстро! Девочки побежали к тому корпусу, где в одном из окон Надя видела мальчика в тюбетейке.

— Ой, я вдруг догадалась! — воскликнула Надя. — В первый-то и второй этаж нам не надо идти! Потому что наш этаж четвёртый, а мне так было видно, как совсем напротив, а первый-то этаж внизу.

— Тогда и в пятый этаж не надо, — сказала Аня. — С четвёртого тебе не было бы так хорошо видно в пятом: ведь снизу вверх. Значит, нам только третий и четвёртый этажи нужны.

— Ой, правда, правда! Вадик говорил, что на каждом этаже по четыре квартиры...

— А я сейчас сосчитаю! — Аня подняла руки и стала считать на них пальцы. — Четыре пальца — это пусть третий этаж. А это уже четвёртый... Пять, шесть, семь... Восемь квартир нам только и надо разузнать. Не очень много. А мы то думали, что, может быть, сто!

— Как хорошо! Всего восемь! — радовалась Надя. — Какая ты умница, Анечка! Ну, идём! — и Надя толкнула входную дверь.

Совсем было девочки вошли в подъезд. И вдруг сзади раздался крик, пронзительный, как всё равно свистулька глиняная, а глиняные, известно, ещё звончее деревянных:

— Прятаться? А я вижу, вижу!

— Всё пропало! — сказала Аня: — Не успели без него. Ну, что ты кричишь, Петька? Никто не прячется. Просто по делу хотели пойти, тут на минутку...

Петя подскакивал и хохотал:

— Прятались! Прятались! А я нашёл!

Надя надулась:

— Ну, во-от! Чуть-чуть всё не разузнали... — подумала, и лицо её стало умильным и просительным: — Уж не обязательно он с лестницы убьётся. Ну, А-анечка! Не откладывать же, раз решили. За обе руки будем его держать. Возьмём его с собой!

Петя смекнул, что куда-то сестра не хотела его брать. Куда — неизвестно, но от этого ещё интереснее. И он затянул во весь голос:

— Возьмём, возьмём меня с собой! Возьмём, Анечка, меня с собой!

Рожца у него была такая умоляющая, что Аня невольно улыбнулась. Потом махнула рукой:

— Пошли! Только, Петька, если будешь баловаться, я сейчас же, немедленно, в один миг, моментально, в одну секунду, без всяких задержек потащу тебя домой. Слышишь?

— Слышу! Слышу! Ага! — кивал Петя, покорно позволяя девочкам крепко держать себя за обе руки.

Ему очень хотелось вырваться и перескочить через ступеньку, но он поднимался по лестнице чинно, шагал между Аней и Надей аккуратно, примолк и даже затаил дыхание. Куда это они идут? Может, в совсем невиданное и неслыханное место. Петя задрожал от любопытства и нетерпения. Чуть-чуть задрожал, самую малость, но строгая сестрица всё равно заметила.

— Что с тобой? Тебе холодно? А может, живот заболел? Не хватало ещё...

Петя отрицательно замотал головой.

На площадке третьего этажа они остановились. Четыре двери. Возле каждой двери звонок. В который позвонить?

— А что мы скажем? — заробевшим голосом спросила Надя.

— Мы скажем: «Скажите, пожалуйста...». — Анин голос звучал очень твёрдо.

Она нахмурилась, немножко побледнела, быстро шагнула к одной из дверей и решительно нажала кнопку звонка.

КУДРЯШ

Резко прозвенел звонок. И сейчас же его заглушил другой звук, куда более сильный. Он возник где-то в глубине квартиры, но всё приближался и усиливался. И вот стал громким, оглушительным. Раздавался совсем рядом, под самой дверью. Это был залиvistый лай. Казалось, секунда — и собачина, судя по голосу преогромная, обрушится на них.

Девочки отступили от двери. Надя невольно покосилась на ступеньки, ведущие вниз. Аня обняла за плечи Петю, прижала его к себе. А у Пети засверкали глаза: необыкновенное начиналось. Не тигр ли там рычит и кидается? Вот жаль, что пистолет свой он не захватил! С запасом патронов.

Зверь бесновался за тонкой дверью. Рык, лай, хрипенье перемежались с повизгиваниями. Невидимая псина выходила из себя, так ей не терпелось сожрать детей.

— Пойдём скорей на четвёртый этаж, там позвоним, — предложила Надя. — Пока она не вырвалась...

Какой там четвёртый этаж! Они и двинуться не успели. Дверь приоткрылась. Девочки вскрикнули. У Пети округлились глаза. Он вывернулся из рук сестры и, широко расставив ноги, сжал кулаки: принял воинственную позу.

Что-то чёрное, как печная сажа, лохматое, рвалось в дверь, пытаясь протиснуться в щель.

— Да перестань, наконец! — успокаивал чей-то голос. — Ну, что с тобой делается? И не стыдно?

Надя давно бы убежала, но от страха у неё

как-то задеревенели ноги. И как убежишь без Ани? Аня же не могла убежать без Пети. А тот подходил всё ближе к двери и кулаки свои глупенькие выставил перед собой.

Внезапно чёрное, косматое исчезло в дверном проёме. Вышла пожилая женщина в тёплом длинном халате. Теперь она придерживала дверь снаружи. Всё лицо женщины расплылось в улыбке.

— А-а, ребятки! Ну, теперь я понимаю, почему Кудряш прямо с ума сошёл. Он ведь обожает детей, а видит их не так часто. Что вам, милые? Неужели за макулатурой, такие маленькие? И в воскресенье!

У девочек в горле пересохло от волнения, и обе сглотнули и перевели дух прежде, чем ответить. Петя их опередил.

— Кто это Кудряш? — спросил он смело. — Тигр?

Женщина рассмеялась.

— Ну, что ты! Кудряш — пудель. Добрый-предобрый. Такого добряка не сыскать. Хотите, я вас с ним познакомлю?

— Мы не за бумагой, нет! — торопливо сказала Аня. — Мы хотели узнать...

— Хотим, хотим познакомиться! — перебил её Петя.

За дверью слышался скулёрж. Дверь сотрясалась оттого, что в неё толкалась собачина.

— Не бойтесь, девочки. Кудряш — добрейшее существо. И вообще очень воспитанный. Это он почуял детей, от радости неистовствует, — женщина открыла дверь. Коленки у Нади задрожали.

Большое, чёрное, круглое выкатилось на площадку.

— Кудряш, сесть! — строго сказала женщина.

Чёрный шар неподвижно замер, подобрав лапки. В верхней части шерстяного шара поблёскивали глазки. Только по этим глазкам и можно было определить, где голова. А где она кончается и начинается туловище, не разберёшь. Лохматый, чернуший шар, да и только!

— Он из шубы сделан! — в восторге закричал Петя. — Он настоящий? Можно тронуть?

Аня проворно перехватила его протянутую руку:

— Не смей!

Женщина потрепала Аню по плечу:

— Детка, Кудряш ведь просто не умеет кусаться. Конечно, можно погладить. Но сначала пусть он поздоровается с вами, как полагается. Кудряш, поздоровайся, дай детям лапку! Лапку, Кудряш!

Чёрный шар стал выше и немножко тоньше. У него обнаружился передние лапы. Одну из них, похожую на рукавицу из чёрной бараньей шерсти, он протянул в сторону детей.

На этот раз Аня не успела удержать Петю. Он кинулся к пуделю и двумя руками пожал протянутую лапу.

— Здравствуй! Здравствуй!

Кудряш тихонько взвизгнул, точно ответил: «Здравствуй!»
Все засмеялись. Аня облегчённо вздохнула:

— Кажется, он правда воспитанный. Всё-таки, Петя, ты очень его не тереди!

Не обращая внимания на сестру, Петя двумя руками наглаживал голову пуделя:

— Ух ты, толстый! Ух ты, чёрный! Баран! Собачий баранчик!

— Знакомство состоялось, страхи позади! — весело сказала женщина. — Что ж мы на лестнице стоим? Пойдёмте в комнаты. Будете гостями. Моими и Кудряша.

Наверно, Кудряш понимал человеческий язык. Он пошёл в квартиру, оглядываясь на Петю, будто приглашая его следовать за собой. Разумеется, Петька кинулся за Кудряшом.

Девочкам ничего не оставалось, как тоже войти.

На всякий случай Аня спросила:

— А в квартире Кудряш тоже воспитанный?

— Я же тебе говорю, что он не умеет кусаться и обижать людей. Пудели вообще такие. А уж Кудряш у нас... Раздевайтесь, девочки. Петя, иди я сниму с тебя пальто.

В одной из комнат девочки сидели на диване. Всего комнат в квартире было три. Петя узнал об этом сразу. Все двери были открыты настежь, и они с Кудряшом перебегали из комнаты в комнату.

— Ищи меня! — говорил Петя и прятался.

Кудряш ждал, пока он спрячется, а потом бежал искать. Находил Петю он очень быстро, и начиналась возня.

— Петя, не разбей там чего-нибудь! — тревожилась Аня. — Что ты разошёлся? Ведь не дома!

— Ничего, ничего, — говорила хозяйка. — Пусть себе веселятся. Кудряшу-то какая радость!

— Но как это он ждёт, Кудряш, пока Петька спрячется? — удивлялась Надя. — Как будто он умеет играть в прятки.

— Конечно, умеет. Только теперь ему не с кем. Так вы, девочки, значит, не за бумагой пришли? Давайте познакомимся как следует. Меня зовут Ольга Владиславовна. А вас?

— Её зовут Надя, а меня Аня. У вас есть маленькие мальчики?

Ольга Владиславовна улыbnулась.

— Маленьких нет. Выросли уже. Оба мои сына — студенты старших курсов, скоро инженерами станут. Сейчас они уехали на практику. Мы с Кудряшом без них очень скучаем. А зачем вам маленькие мальчики? Пете компанию ищете?

— Петя себе компанию на каждом шагу найдёт, — сказала Надя. — Всякая палка ему компания. Нет, мы совсем из-за другого дела...

Аня всё ещё немного смушалась, — главное, потому, что Петя где-то хохочет один на один с Кудряшом. А Надя чувствовала себя по-домашнему: Кудряш нисколько не страшный, добрее телёнка, и женщина такая славная.

— Да, мы совсем из-за другого дела, — подтвердила Аня.

И они рассказали Ольге Владиславовне про мальчика в тубейке и про злого дядьку.

— Да-а, это дело серьёзное, — Ольга Владиславовна смотрела на девочек с интересом. — Вот вы, значит, какие! В беде не хотите оставлять незнакомого малыша. Молодцы! А чем же я могу вам помочь? — Она задумалась. — Кто живёт на нашем этаже? Не знаю. Мы ведь не так давно получили квартиру в этом новом доме. Я никого ещё не знаю. И всё некогда. С работы поздно возвращаюсь.

— А с кем же Кудряш остаётся? — поинтересовалась Надя.

— Один. Не маленький. Когда нет сыновей и я уезжаю в командировку, тогда я его к друзьям в пригород на житьё отвожу.

— И билет на него берёте на поезд? — спросила Надя.

— Конечно, беру билет, — Ольга Владиславовна посмотрела на ручные часы. — Чем смогу, постараюсь вам помочь. А сейчас не хотите ли посмотреть мультфильм по телевизору? Как раз вот-вот начнётся.

— Нам надо идти, — неуверенно сказала Аня.

— Ой, давай посмотрим! — воскликнула Надя. — У нас дома тоже есть телевизор, но он без папы испортился, а мы

с мамой не умеем чинить. Петя, Петя, хочешь посмотреть телевизор?

Петя и Кудряш живо примчались. Уж теперь Петьку пришлось бы выволакивать отсюда насильно.

Перед телевизором Петя сидел в обнимку с Кудряшом, которому тоже поставили стул рядом с Петькиным. Пётр Петрович-младший всё время хохотал над приключениями глупого медвежонка.

Надя готова была дать честное слово, что Кудряш тоже смеётся. Когда раздавался Петин смех, у пса морда становилась шире, пасть приоткрывалась, потонувшие в шерсти губы раздвигались так, что мелькали белые зубы. При этом Кудряш взвизгивал от удовольствия.

«Ведь смеётся! Удивительно!» — думала Надя.

Пить чай Аня наотрез отказалась: наверно, уже поздно. Но конфет дети наелись: грызть и сосать конфеты можно не отрывая глаз от экрана телевизора. От каждой своей конфетки Петя отламывал кусочек и совал в пасть Кудряшу.

На прощанье Ольга Владиславовна пригласила детей приходить к ней в гости по воскресеньям. Конечно, спросившись у мамы, тогда можно будет не торопиться.

Когда они вышли во двор, и Наде, и Ане показалось: уже очень поздно. Обе удивились, что ещё не стемнело.

— Может, мы там пять часов были в гостях,— обеспокоенно сказала Аня.— Нас вдруг уже всюду ищут...

— И куда больше не успели пойти. Ай! — сказала Надя.— Трофим Иванович про вас говорит, что вы — ужасные дети. А я ещё ужаснее. Потщила тебя, и застряли. Ты не хотела телевизор смотреть, это я упрашивала остаться.

— Трофим Иванович просто так говорит. Он же добрый-предобрый, в этом он на Кудряша похож. Просто поворчать любит. И как ему не ворчать, если Петька четыре раза подряд стул опрокинул? Знаешь, какой был грохот? Когда мы бутылочку от пилюль бабушкиных искали. Неужели это сегодня утром было? Кажется, давным-давно...

— Да, утро было очень давно,— согласилась Надя.— Как бы вам с Петькой не досталось за то, что пропали...

Мне-то что? У меня папа строгий, так он в командировке, а мама у меня... тоже вроде Кудряша. А у тебя мама строгая.

— Петька, — сказала Аня, — ты не говори пока никому, что мы были в гостях у Кудряша. Я потом сама скажу. А то мама очень не любит, если мы без спросу куда-нибудь идём... Слышишь?

— До каких не говорить? — деловито спросил Петя. — А что я придумал! Мы с Кудряшом в войну будем играть! Он же всё-всё понимает!

— Что «до каких»? До каких пор? Молчи, и всё. Я тебе скажу, когда будет можно. А не так и поздно! — Аня взбодрилась. — Вон бабушка с Ваней сидит. На дальней скамейке, видите?

Едва увидев девочек, бабушка сразу спросила:

— Где вы были, деточки? Мы с Ваней глядели, глядели, по всему двору озирались, а вас и не видать. На улицу, может, бегали?

— Нет, мы на улицу не бегали, — ответила Аня и предостерегающе посмотрела на Петю.

Петя взглянул вопросительно: мол, что тебе надо? Вот-вот чего-нибудь выпалит и подведёт Аню... Надя скорей заговорила сама. И спросила она бабушку Ивановых о том, что давно её интересовало, да всё не удавалось выяснить.

— Как это, бабуся, вы такая хорошая, а в церковь ходите?

— Бога нет! — громогласно заявил Петя.

— А кто ж его знает, миленький, есть он или нет, — усмехнулась бабушка.

— Папа знает! — сказал Петя. — И космонавты! И все главные люди на свете знают, что бога нет!

— Бога, конечно, нет, — недовольно сказала Аня. — Нечего о нём и говорить. А ты, Петька, не приставай! Бабушка ведь нас в церковь никогда не водит.

— И даже не приглашаю, — бабушка погладила Ваню по головке. — Мы с вашим папой договорились, что вы все неверующие, ну и ладно. А я уж привыкла...

— Ползать в церковь! — добавил Петя.

— Петька, я тебя побью, — пообещала Надя. — И жалко мне не будет.

— Бить не годится, — сказала бабушка. — Зачем же друга бить-колотить? Идёмте, милые, ужинать. Пора.

— А светло ещё, — сказала Аня.

— Весна. Скоро белые ночи начнутся, вовсе темнеть не будет. Так всё и станете гулять до утра?

— Меня тоже мамочка зажала, сколько я гуляю. До свиданья, — попрощалась Надя. — Завтра в детсад не опоздайте!

Она побежала домой. А мама уже собралась идти её звать.

— Вот загулялась-то ты! — сказала мама.

— Загуляешься, когда столько всего... происходит...

Надя расцеловала маму, умылась, поужинала и еле-еле добралась до кровати, так ей захотелось спать.

И этот длинный-длинный воскресный день кончился.

ПЕТА ПОДВОДИТ

Наде уже первый сон начал сниться, а дети Ивановы ещё только кончали ужинать. Так быстро, как Надюше, им было не управиться. Пока все трое разденутся, да руки вымоют, да за стол усядутся, да поедят, — на всё время уходит.

Мама зорко присматривала, чтобы за столом они вели себя как следует.

— Петя, не болтай ногами! Не набивай так рот, а то подавишься. Ваня, не надо размазывать кашу по щекам. Подумай, Петруша, — сказала она папе, — мне сегодня соседка с пятого этажа жаловалась. Её сын — четвероклассник — ужасный врун. Она не знает, что и делать. Всё время мальчишка говорит неправду. Врать — это уж последнее дело!

Мама с любовью оглядела своих трёх деток. Взгляд её

ясно выражал: «Наши дети, хоть и не без недостатков, но всё-таки очень хорошие, не то что тот врунишка».

Петя сказал громко, как всегда, и невнятно, потому что рот у него был набит:

— А мы не врём! Мы просто не рассказываем про Кудряша. Правда, Аня?

Аня стала красная, как варёная свёкла.

— Про какого Кудряша? — рассеянно спросила мама. В эту минуту она намазывала масло на хлеб и на Аню не смотрела.

Но папа посмотрел и спросил:

— Что с тобой, дочка? Ты почему так покраснела?

Опустив голову, Аня молчала.

— Кудряш — это просто пудель, а не тигр! — весело объяснил Петя. — Точно из бараньей шубы. Но он настоящий, не думайте! Такой распрекрасный добряк. Я с ним играл в прятки. И ещё в войну буду с ним играть. Вот! А медвежонок смешной в телевизоре... Аня, не дёргай меня за коленку! Я же не говорю, что мы в гости к тётеньке ходили. Я только про Кудряша и про медвежонка говорю!

Мама, папа и бабушка рассматривали Аню и Петю, будто увидели их в первый раз. А потом заговорили все одновременно:

— К какой тётеньке в гости вы ходили?

— То-то мы с Ванечкой во дворе их не могли найти!
— Анюта, где вы были? Живо рассказывай!
— Мы позвонили на минутку по делу, — тихонько призналась Аня.

— Куда позвонили? — спросил папа.

— В квартиру в одну. А там тётянька очень славная. Ольга... я забыла, как дальше. И она говорит: «Что ж мы на лестнице?» А там Кудряш... Очень он Пете понравился. И мы немножко посмотрели телевизор...

— По чужим квартирам ходите! — ужаснулась мама.

— Подожди, Вера, — сказал папа. — А зачем вообще вы туда пошли? Вас со двора пригласила та тётянька?

— Нет, не со двора. Мы сами позвонили. Нам надо было.

— Зачем?

Аня молчала.

— Да не тяни ты! — рассердилась мама. — Зачем вам понадобилось в чужие квартиры звонить? И кто это «мы»? Ты и Петя?

— Наденька ещё с ними была, — промолвила бабушка.

— А-а, Надюша! — сказал папа. — Ну, это девочка хорошая.

— Балованная только, — заметила мама. — Аня, тебя спрашивают: зачем вы звонили в чужую квартиру?

— Мы хотели узнать... — пробормотала Аня и опять замолчала: ведь мальчик в тубетейке — Надин секрет. Можно ли чужой секрет выдавать? Не зная, что делать, Аня заплакала.

— Ну, что ты, доченька? — папа погладил Аню по щеке.

— Потому что они каких-то маленьких мальчиков ищут! — сообщил Петя.

— Батюшки! — всполошилась бабушка. — Каких ещё мальчиков?

— В самом деле — каких мальчиков? — строго спросила мама. — Зачем вам, Аня, мальчики?

— Да не мальчиков, — всхлипнула Аня. — А одного маленького мальчика. Петька всегда всё перепутает.

— Так Петеньке же всего шестой годок, — вступилась бабушка.

— Один или несколько — какая разница! Зачем вам этот мальчик? Ну, зачем? Отвечай! — требовала мама.

Что было Ане делать? Пришлось рассказать, что Надя видела, как били малыша, и они хотят ему помочь...

Почему-то на папу напал смех. Аня посмотрела на него с недоумением.

— Не обижайся, дочка, я так... — ласково сказал папа. — Просто вдруг представил себе, как ты и Надя стоите перед огромным свирепым дядькой. Воробышки перед индюком...

— Ничего смешного не вижу! — отрезала мама. — К какому-то пьянице хотели полезть — кошмар! Да он бы вас одним щелчком сбил. И вообще что вам за дело до какого-то мальчишки, если его и побили?

— Нет, нет! — сказал папа. — Ты совершенно, Верочка, не права. Так нельзя рассуждать. Если будем проходить мимо плохого, то что это будет? А если бы тебя кто-нибудь побил? Что ж, пусть бьют? И заступиться за тебя не надо?

Петя с любопытством на всех таращился, а тут завопил:

— Пусть попробует кто маму тронуть, я ему задам!

— И я задам! — подхватил тонким голосом молчаливый Ваня.

— Вот это сынки! Защитники! — похвалил папа. — Не дадут мать в обиду.

— Да кто меня побьёт? — обиделась мама. — Глупости какие! Ни в одну квартиру вы больше не пойдёте! Слышишь, Аня? Запрещаю категорически!

— Ещё и Петеньку с собой поташили, ай! — добавила бабушка.

— Мы не хотели его брать! — Аня сердито посмотрела на брата. — Он сам навязался.

Мама встала из-за стола.

— Кончено! Живо в кровати! А о хождении по чужим квартирам раз навсегда забудьте!

Бабушка повела Ваню в детскую.

Поднялся и папа.

— Раз приказывают спать, надо ложиться. — Он поцеловал Аню и шепнул ей на ухо: — Не печалься, дочка! Прощтрафились, а всё-таки вы с Надей молодцы.

Когда бабушка, уложив мальчиков, подошла к Ане, чтобы проверить, хорошо ли она укрылась, Аня обхватила бабушку за шею двумя руками и притянула к себе:

— Ты, бабушка, разужнай! Пожалуйста! Я обещала Наде тебя попросить.

— Лапушка моя глупенькая, — выслушав внучку, сказала бабушка. — Если кто кого и обижает, что вы сделаете, пичуги несмышлёные? Ну, не хмурься, не хмурься! Я поспрашиваю. Спи!

КУДА ВСЕ ДЕВАЛИСЬ?

Наступил понедельник, а за ним вторник и другие будние дни. Каждое утро звонил будильник. Он будил маму. Мама вставала и будила папу и детей. Все шли на завод, в детсад и в школу.

В детсаду без конца случалось что-нибудь интересное. То Надя была дежурная, то на прогулке видели курносую собачонку величиной с перчатку воспитательницы. Ноги у собачонки были тонкие, как карандаши, и — все прямо завизжали от радости! — обуты в крошечные синие башмачки. А спину собачонки прикрывала вроде бы курточка без рукавов. Старая женщина вела это курносое чудо на ленточке. Она объяснила детсадовцам, что безрукавная курточка называется попонка, а сама собачонка родом из далёкой Японии.

От башмаков японской собачонки, от того, что, накрывая на стол во время дежурства, девочка разбила тарелку, и ещё от очень многих событий Наде и подумать было некогда о мальчике в тубетейке.

Она знала, что Петька подвёл Аню, проболтался, и что мама строго-настрого запретила Анечке ходить по квартирам.

Обо всём Аня рассказала Наде на другой же день.

— Ты уж на меня не сердись, что так получилось, — сказала она огорчённо.

— Петька во всём виноват, а не ты! — заявила Надя. — Уж сердиться, так на Петьку. А он младше нас и глупый. А я своей маме ничего не рассказала. Хотела, да не успела. У нас тётя Клава палец дверью прищемила. Синий даже стал палец. А потом от папы письмо пришло. Всё что-то приключается. Вот я и не успеваю рассказать.

В середине недели, может быть, в среду или в четверг, Аня сказала Наде:

— Бабушка наша узнавала. Мальчишек маленьких в этих домах очень много, и в том корпусе, и в тех этажах тоже есть малыши. Но только бабушка говорит, семьи там все хорошие, и никто этих малышей не бьёт. А если, говорит, кого и отшлёпали разок, то это не беда.

— Отшлёпали?! — возмутилась Надя. — От шлепков так не кричат. Мальчик в тубетейке прямо орал — я же видела! — Она подумала и сказала: — Обманули твою бабушку, вот что! Такая она у вас добрая, а всем верит... без толку. Обманули же её, что бог есть, вот и тут обманули, будто никто не бьёт!

— Ой, наверно, правда обманули, — расстроилась Аня.

Они разговаривали, прогуливаясь по аллейке. Детсад гулял в сквере. Погода была ветренная и пасмурная.

— Побегайте, чтобы не озябнуть, — сказала воспитательница. — А ну, становитесь в два ряда. Ряд — девочки, ряд — мальчики. Сейчас в эстафету поиграем.

Надя помчалась становиться впереди, чтобы недолго ждать очереди бежать: она очень любила играть в эстафету.

После полдника опять вышли на прогулку. Погода немножко исправилась. За облаками мелькало солнце. От ветра по лужам пробегала рябь. В луже вперемежку отражались облака, тучи и голубые кусочки неба.

В сквер не пошли, а просто так расхаживали, толкались на тротуаре возле детсада. Потому что скоро начнут разбирать детей.

Появилась средняя группа. Их воспитательница вела за руку Петю и что-то ему выговаривала.

— Кажется, Петька опять чего-то накуролесил? — Аня, когда это сказала, вдруг стала очень похожа на свою бабушку. «И что ты всё куролешишь?» — так всегда говорила про Петю бабушка.

Тут и сама бабушка показалась: пришла за тремя Ивановыми.

Аня с Надей сказали «до свиданья» своей воспитательнице и подбежали к бабушке.

Бабушка стояла возле Петинной воспитательницы и сокрушённо качала головой, слушая, как та ей рассказывает про Петины проделки.

Девочки тоже стали слушать. Оказалось, что Петя оторвал одну лямку от своих штанов и завязывал её в такие запутанные узлы, что еле-еле самой воспитательнице удалось распутать. Ещё Петя заставлял одного мальчика и двух девочек становиться на голову. Одна из девочек упала мимо ковра и в кровь разбила себе нос.

— И зачем же ты проказишь, Петенька? — огорчалась бабушка.

— Это не проказы, а фокусы, — отвечал Петя. — Я буду фокусником. И ещё танком.

— Ты хочешь сказать — танкистом? — поправила его воспитательница. — А танкисты — люди дисциплинированные.

В это время и младшая группа вышла. Бабушка оставила Петю с Аней и Надей и пошла за Ваней.

Когда вся троица Ивановых и Надя пришли, во главе с бабушкой, в свой двор, девочки попросили остаться погулять.

— И я! И я! — закричал Петя.

— Шёл бы ты домой, — недовольно сказала Аня.

Петя подскочил и двумя руками толкнул старшую сестру. Едва Анечка на ногах устояла.

— Бабушка, можно, я ему задам? — Надя хотела схватить Петю, но тот ловко увернулся и со всех ног пустился удирать.

— Ох, озорник! Ох, озорник! — вздыхала бабушка. — Хорошо, что у нас хоть Ванечка такой тихонький. Пойдём домой, мой хороший! Анечка, уж ты пригляди за Петенькой! — И, ведя Ваню за руку, бабушка ушла домой.

— Я, конечно, люблю Петю, он же мой брат, — сказала Аня. — Но до чего он мне надоел — сил нет! Вечно за ним смотри! Вот не буду его ловить, пусть, что хочет, делает.

— Не поймаете! Не поймаете! — распевал Петя, приплясывая среди луж на таком расстоянии, что достать его, конечно, было нельзя.

— Я его схвачу, как только поближе подбежит, — пообещала Надя. — А что это он там делает? Вроде что-то ищет?

Петя больше не распевал, а сновал вдоль корпусов. Пробежит мимо корпуса и за угол заглянет. Потом в другую сторону бежит и опять заглянет.

— Да ладно, пусть, — сказала Аня. — Пока он на виду, ничего. Вот если скроется, тогда придётся искать. Я вышивать начала, знаешь? Мама меня учит. Она ведь такая рукодельница у нас: всё умеет.

— И я кукле рубашку шью, только нитки очень рвутся... А вот и поймала! — Надя схватила за плечо подбежавшего Петю.

— А я уже не убегаю! — Петя весь раскраснелся. — Нигде нету! — сообщил он, отдуваясь. — И куда они все делись?

— Кто-о? — в один голос спросили девочки.

— Фокусник Павел Иванович и Кудряш. Я всё их смотрю-смотрю, ищу-ищу, а их нету!

— Наверно, фокусник просто так забрёл к нам во двор. По дороге в цирк, — предположила Аня. — А Кудряшу гулять не с кем.

— А может, даже его за город к друзьям увезли, — сказала Надя. — Если Ольга Владиславовна в командировке, а её сыновья ещё с практики не вернулись.

— Всё может быть... А вот где же всё-таки тот мальчик в тюбейке? Где? Я всё про него думаю. И так мне его жалко... — Лицо у Ани стало грустное.

— Но он уже, наверно, не кричит, — сказала Надя. — Вон

сколько дней прошло! Нельзя же почти целую неделю подряд плакать и кричать — просто умрёшь. И похоронят тогда. И плакать уж всё равно не будешь.

— Я и не думаю, что тот мальчик умер от крика, — возразила Аня. — Но, может быть, не так уж подряд целую неделю, а всё равно плачет... Маленький, обиженный...

От таких слов Наде стало очень грустно, даже в горле немножко сжалось. Им-то всем хорошо, а каково тому мальчику?

— Вот видела я мальчика в окне — и нету его! — жалобно сказала Надя. — Фокусник Павел Иванович был, фокусы нам показывал — и тоже нету. Даже Вадика не видеть.

— И Кудряш не гуляет! — необычно тихо сказал Петя и вдруг сам подал Ане руку: — Пойдём домой!

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Да, ни мальчика в тубетейке, ни фокусника Павла Ивановича, ни Кудряша нигде не было видно, будто их на свете не было. Но Вадик обнаружился. И выглядел он так ужасно, что девочки ничего подобного не могли от него ожидать.

Надя и Аня гуляли во дворе. День был субботний, и из детства они пришли рано. И вдруг заметили Вадика.

Вадик пересекал двор. Наверно, он шёл из школы: в руке у него болтался толстый портфель. Сам Вадик казался особенно тоненьким возле своего портфеля. Походка у Вадика была какая-то странная: неровная и шатучая. Два раза Вадик споткнулся. Издали он был похож на гвоздик, который начали вытаскивать из доски: уже непрочно сидит, но ещё держится.

Приглядевшись к будущему второкласснику, девочки удивлённо переглянулись. Потом наперегонки побежали к нему.

— Вадик! Вадик! Ты из школы идёшь?

В ответ раздалось невнятное:

— В-ва-ва-ва!

Да это что же такое? Ни идти, ни говорить не может? А-а, вот в чём дело! Вадик давится слезами. Всё лицо у него красное, глаза распухли.

— Что с тобой, Вадик? Что с тобой? — Надя накинулась на него с вопросами.

— Ва-ва-ва! — задышался от слёз Вадик.

— Заболел, может быть, Ваденька? — участливо спросила Аня. — Дай я твой портфель понесу. — Она взяла у Вадика портфель. — Тяжёлый какой!

— Т-там ещё та-апочки и кни-ига из библио-отеки класс-ной... — с трудом пробормотал Вадик.

— Ну, и хорошо, что книга, — старалась успокоить его Аня. — Пойдём сядем где-нибудь. Ты еле стоишь.

Надя вдруг подумала, что даром Аня — старшая сестра двух младших братьев — научилась хорошо утешать, если стукнутся или что... Видя, что Аня поддерживает Вадика под локоть, она подхватила Вадика под руку с другой стороны.

Так, будто совсем больного, они отвели Вадика на скамейку под деревьями и усадили. Аня села рядом, а Надя нетерпеливо топталась возле:

— Почему ты такой зарёванный? Что с тобой, Вадик?

— Не приставай к нему! — сказала Аня. — Видишь, он совсем расстроенный.

— Не приставай! Не приставай! А знать-то хочется! — Надя недовольно плюхнулась на скамейку, обмакнула свою галошу в лужицу и стала смотреть, как смывается с галоши кромка грязи.

Вадик сопел, наклонив голову. Школьная фуражка сползла ему на лицо. Он её не поправлял.

Наконец Аня прервала тягостное молчание:

— Что-то Аллочки не видно? Кажется, и в детском саду её сегодня не было?

— Нас-сморг у неё, — просипел Вадик и откашлялся.

— Всё-таки почему... — осторожно начала Надя.

Вадик вскочил, махнул рукой как-то бестолково и отчаянно.

— Двойка у меня! — завопил он и разревелся.

— Дво-ойка? — протянула Надя с недоумением. Она не знала, как отнестись к такой новости.

— Ах, двойка?! — сказала Аня. — Так разве это такая уж беда? У меня есть один двоюродный брат. Тот, что в пятом классе. Другие мои двоюродные уже большие. Так этот двоюродный в пятом, Валя его зовут, он через день получает двойки. И не печалится.

— Но разве двойка — это хорошо? — спросила Надя. — Почему же он не печалится, твой Валя?

— А он потом исправляет двойки.

— Может, и правда, двойка — это ничего... — неуверенно сказала Надя.

Вадик обозлился:

— Ничего! Как же! Много вы понимаете! По арифметике-то ничего? За контрольную? В третьей-то четверти? — подхватывая языком слёзы, он смотрел на девочек с презрением.

— Четвертная контрольная? —

Аня стала задумчивой. — Кажется, это хуже...

— А вдруг Вадик из-за этой двойки во второй класс не перейдёт? — испугалась Надя.

— Перейдёт... Если только одна двойка...

— Да откуда ты, Аня, знаешь, что одна? — Вадик стукнул кулаком по скамейке, словно она была в чём-то виновата. — Их уже три было. Две просто так... за опрос. У доски и с места. Много вы понимаете!

Девочки притихли, сражённые.

— Наверно, очень-очень трудно учиться в первом классе, — как бы про себя, пробормотала Надя.

Иначе как же мог Вадик получить целых три двойки? Ведь он такой умный! И даже важный от своей умности. Всегда говорит, что он всё знает. Просто поразительная какая-то история!

Вдруг девочки подняли поникшие головы. Послышался длинный тонкий свист, а потом чей-то голос прокричал задорно:

Сойкин-Двойкин,
Барабос!
Ковыряет двойкой нос!

Невдалеке от скамейки, на которой они сидели, приплясывал и кривлялся какой-то мальчишка с ранцем на спине. Он был пониже Вадика ростом, но куда плотнее. Мальчишка скорчил рожу и завёл снова:

Сойкин-Двойкин,
Барабос!
Ко-вы-ряет двойкой нос!

Надя рассмеялась. Аня дёрнула её за рукав и показала глазами на Вадика. Вадик весь скорчился, сжался, уши у него горели.

— Какие дурацкие стихи! — равнодушно проговорила Аня. — Нет в них никакого... соображения. Как это двойкой можно ковырять в носу? Ведь двойка просто отметка, у неё нет носа... Это из твоего класса мальчишка? А, Вадик?

— Басков это, — мрачно отозвался Вадик. — У самого-то один раз даже кол был!

Надя смотрела вслед ускользавшему мальчишке.

— А твоя как фамилия, Вадик?

— Ну что ты спрашиваешь! — укорила её Аня. — Такая же, как у Аллочки, у него фамилия. Они же брат и сестра. Неужели в детсаду никогда не слыхала? Сойкины их фамилия.

Если кто и сомневался, про кого эта дразнилка, то теперь уже сомнений не было.

Помолчали.

— Теперь, Вадик, ты нам уж совсем не будешь помогать, — печально сказала Надя, — искать мальчика в тубейке, раз у тебя такое несчастье.

— Как? — удивился Вадик. — Вы всё ещё хотите найти того мальчика? Это которого дядька бил, да? Я думал, вы уж давно забыли. — Вдруг он поправил фуражку, выпрямился. — Я вам его найду! А что? Я смогу! Вы просто не так искали.

— Но собаки-ищейки у нас нет, — напомнила Аня.

— Да и без собаки можно. — Вадик крепко вытер кулаком глаза, нос и щёки. — А вы как пробовали искать?

Торопливый рассказ девочек о квартирах и этажах он выслушал снисходительно.

— Значит, в ту, где лай собачий, уже ходить не надо, а в остальные я прямо сейчас пойду. Вы только мой портфель посторожите.

ОПЯТЬ ПРОИСШЕСТВИЕ

По очереди держа в руках тяжёлый портфель Вадика, Аня с Надей прохаживались возле заветного подъезда.

Вот это удача так удача! И запрет Аниной мамы они не нарушат и всё узнают. Повезло им, что Вадик так раздобрился.

— Сейчас он, наверно, уже звонит в какую-нибудь дверь, — взволнованно сказала Надя. — Он сказал: сперва на четвёртый этаж пойдёт.

— Не успел ещё подняться, я думаю. Ты уж больно скоро хочешь... — Аня прислушалась. — Что это вроде шум какой-то?

Теперь и Надя услышала крики, плач...

— Ой, как раз на этой лестнице!

— Нам по квартирам запретили ходить, — нерешительно произнесла Аня. — А про лестницы мама, кажется, не говорила...

— Может, с Вадиком что-то? — Надя метнулась в подъезд.

Больше не раздумывая, Аня бросилась за ней.

Высоко подниматься им не пришлось.

На площадке второго этажа толстая тётенька в расстёгнутом пальто и сбившемся на сторону тёплом шарфе одной рукой прижимала к себе ребёнка лет трёх-четырёх, так что ноги его висели над полом, а другой рукой держала за воротник... кого бы вы думали? Вадика!

— Глаз у тебя нету? — кричала тётенька. — Хулиган! В милицию отведу!

Закутанный и притиснутый к толстому боку тётеньки, ребёнок глухо плакал и дрыгал ногами в валеночках с галошами. Вадик вертел головой, стараясь высвободить свой воротник, и лепетал испуганно:

— Да я... да он...

Девочки оторопело приблизились.

— Что ты сделал, Вадик? — растерянно спросила Надя.

— В первый раз ребёнка на воздух вывели! — кричала тол-

стуха. — К доктору ведём. И как он не убился, просто чудо! Фонарь-то на лбу небось с мой кулак! Мы-то оберегаем, хо-лим, мы-то трясем над своим ясочкой. А тут — здравствуйте! — головой в живот с размаху, с лестницы долой, об ступеньку — хрясь! — женщина перевела дух, поставила на пол ребёнка и с новыми силами набросилась на Вадика: — Мы этого так не оставим! Не-ет!

Надя с любопытством и с некоторой опаской заглянула женщине за широкую спину. Но там никого не было. Почему же тётенька всё время говорит «мы»? Ведь одна тут стоит. Раскричалась.

Воротник Вадика она уже отпустила, Вадик привалился спиной к стене. Лицо его кривилось. Мало он сегодня плакал, что ли, чтобы опять реветь?

Ане стало его жаль. Это было ясно по её тону, когда она спросила:

— Что он такого сделал, Вадик, чтобы его в милицию вести? А вашей девочке очень жарко. Закутанная очень. Вспотеет и простудится.

Неожиданно тётенька рассмеялась мелким дробным смехом. Всё её тучное тело заколыхалось.

— Да это ж у нас Витенька, а ты — девочка! Просто платок надели, чтобы горлышко, ушки не застудил. Так вы знаете этого огольца, что дитё малое с лестницы спихивает?

— Да сам он, сам! — всхлипнул Вадик. — Сам под ноги мне подвернулся.

— Ну ладно, не реви, растяпа непутёвая, не поведу в милицию, — смилостивилась толстуха. — Внучек мой дорогой уже не плачет, значит, не так уж расшибся. Пойдём, Витенька, а то опоздаем, — она взяла малыша за руку и поплыла к лестнице.

Витенька еле переступал ногами и оглядывался на ребят. При этом он поворачивался всем телом, одну голову было ему не повернуть, так он был обмотан платком. Упасть при такой ходьбе ничего не стоило.

— Опять он у неё расшибётся, — уныло заметила Надя. — Ну... пойдёшь звонить, Вадик?

— Да уж куда ему сейчас! — с досадой сказала Аня. — Не везёт тебе сегодня, Вадик. То двойка, то этого Витеньку, перекутанного, повалил. Ступай-ка домой, пока ещё чего-нибудь с тобой не стряслось.

Вадик поплёлся вниз по лестнице. Девочки за ним. Уже спустились, и вдруг Вадик отчаянно вскрикнул:

— Портфель!

— Как ты меня испугал! — рассердилась Надя. — Я думала, может, ты умираешь, так завопил. — Она живо вернулась на площадку, подняла с полу портфель, принесла его и протянула Вадику: — Получай свою тяжёлую портфелину! На минуточку я его положила. Подумаешь!

Очень было обидно, что опять сорвалось так хорошо задуманное дело.

Пошёл бы Вадик, да и разузнал бы. Всё-таки он уже школьник.

Но, хоть и ворчала, Надя жалела Вадика за невезучесть. Поэтому, едва увидела Баскова, ей очень захотелось отомстить за Вадика.

Баскова они увидели сразу, как только покинули незадачливую лестницу, на которой Вадик повалил Витеньку.

Басков мотался взад-вперёд по тротуару от водосточной трубы до угла дома, прискакивал, делал какие-то движения руками, — как видно, во что-то играл сам с собой.

Надя ринулась к нему и, остановившись в нескольких шагах, пропела громко и насмешливо:

Басков-Дразнил-кин,
Клопов Морил-кин!

— Надя! — в ужасе Аня всплеснула руками.

Песенка была очень глупая, Надя сама это понимала. Но, прежде чем успела подумать, стоит ли произносить вслух такие глупые слова, вдруг ей пришедшие на ум, она пропела их трижды. Притом — с большим удовольствием.

Ещё последнее слово Надиной дразнилки не растаяло в воздухе, а кулаки Баскова уже молотили по Надиной спине. Берет с неё был сорван и брошен в лужу. Всё как-то смешалось у Нади в голове. Будто и не она, а кто-то другой услышал предостерегающий крик Вадика:

— Это же Басков! Он первый драчун в классе!

Увёртываясь от кулаков Баскова, Надя мельком видела, как, бросившись ей на помощь, Аня вцепилась в Баскова и старается его оттянуть. Также мельком видела она скачущего вокруг Вадика. Он размахивал руками и вопил:

— На помощь! На помощь!

А потом она услышала над собой совсем другой голос:

— Эт-то что за баталия? А ну, живо разойтись! И никогда не бей девочек, слышишь? Мужчина! Позор!

Чьи-то сильные руки в один миг оторвали Баскова от Нади, встряхнули его и поставили в сторонке.

Когда Надя опомнилась, никого уже возле них не было. Басков издали грозил ей кулаком.

— А кто меня спас? — тяжело дыша, спросила Надя. — Мне послышался голос... чей? Уже я его когда-то слышала. Ой, кажется, фокусника! Это он меня спас?

— Какие-то два человека проходили, — сказал Вадик. — Один вас растащил. И сразу же ушли...

— Никого я не разглядела, — сердито сказала Аня. — Я твой берет из лужи вынимала. Ты с ума сошла, с мальчишками драться? Да ещё первая полезла! — Аня отряхнула и подала Наде мокрый и грязный берет. — Домой пошли! Вадик, и ты отправляйся, пока совсем свой портфель не потерял.

Но домой они не пошли.

Неожиданно по мостовой дробно и звонко зацокали копыта.

— Кони! — заорал Басков и, как вихрь, помчался к воротам.

Глянули девочки в ту сторону. А на улице... Чудеса! Правда, кони. И всадники. Да какие! Как в сказке. Откуда-то набежала куча детей. Толпились на тротуаре и взрослые.

По мостовой гарцевали красивые гладкие лошади в роскошных сбруях и сёдлах. Только на картинках, и то не часто, Наде приходилось видеть таких лошадок. А у всадников торчали на головах высокие красные шапки с перьями... Глаза разбегались глядеть на эту необыкновенную движущуюся пестроту.

— На киносъёмку за город едут, — говорили в толпе. — Плюмажи-то на шапках!

— Вон тот конь самый красивый из всех! — кто-то дёргал Надю за рукав, потом за руку ухватил. — Продвигайся туда, там лучше увидишь.

Надя протиснулась вперёд. Потом обернулась — кто это ей помог? И прямо застыла от удивления. Басков! Только что колотил — и вот заботится, чтобы ей было лучше видно. Курносый, веснушчатый мальчишка. Смешной, но... ничуть и не противный.

Проехали кони. Ещё вслед им смотрели, ещё цокот копыт издали доносился, как вдруг пошёл крупный дождь. Тучи давно нависли, тяжёлые, плотные, да кто в это время на небо смотрел, когда на земле такое интересное делалось?

Все скорей побежали кто куда — прятаться от дождя, а может, и по своим делам. Сразу тротуар опустел.

И Надя с Аней побежали. Рядом с ними трусил Басков.

— Всё время что-нибудь случается! — на бегу поделилась с ним своей мыслью Надя.

— А что же? — весело отозвался Басков. — На то и... планета! — и скрылся в струях дождя.

— Ещё разговариваешь с ним! — упрекнула Аня. — А Вадик раньше успел удрать, нас не дождал.

— Фу-у, какая дождина! — Надя отряхнулась в Анином

подъезде, хотя было это бесполезно: ведь сейчас опять через двор бежать в свой подъезд. — Аня, а вдруг Вадик всё-таки не будет второклассником?

— Будет, будет, в крайнем случае, переэкзаменовку на осень ему дадут.

Всё-то эта Аня знала. Наверно, оттого, что столько у неё братьев: два родных и штук пять двоюродных...

Больше в эту субботу девочки гулять не ходили.

КОТОРЫЕ С УСАМИ

А Вадик после обеда вышел погулять.

Когда полил дождь, он, никого не дожидаясь, побежал домой. Там освободился, наконец, от своего тяжёлого портфеля, швырнув его под стол, и опять пустил слезу:

— Мама, я... я двойку получил...

Плакать Вадиду не хотелось, просто даже нечем было плакать, столько он сегодня ревел, но всё-таки несколько слезинок он выжал из глаз. И лицо сделал грустное-грустное, прямо-таки убитое горем. Надо же было разжалобить маму. После всех неудач душа Вадика требовала участия, утешения и сочувствия.

Впрочем, чтобы разжалобить Вадикову маму, можно было особенно не стараться. Уже через минуту мама обнимала и целовала своего сыночка.

— Бедный ты мой! Наверно, задача трудная попалась. Главное, не плачь! И вид у тебя какой измученный. Вечером попросим папу заняться с тобой арифметикой...

Аллочка стояла возле, гладила рукав Вадика, с жалостью глядя на брата, и чихала.

— Сейчас скорей переодевайся, умойся и садись обедать. Я пирожков с капустой напекла, ты их любишь.

У Вадика мелькнула мысль: «Хорошо бы, Алка почаще простужалась». Ведь из-за того, что Аллочка не ходила в детсад и не с кем было её оставить, мама третий день была дома,

а не на работе. И вот даже пирожки успела напечь. Но сейчас же Вадику стало стыдно, что он пожелал сестрёнке болезни.

— Алка, я тебе свои цветные карандаши дам порисовать, — сказал он. — Твои, наверно, потерялись. И домик тебе нарисую.

Аллочка захлопала в ладоши, а мама сказала, очень довольная:

— Видишь, какой у тебя старший братик добрый. Кушай, сыночка, побольше, ты такой худенький!

Хорошо было Вадику: пирожки вкусные-превкусные; папа, который наверняка не похвалил бы его за двойку, ещё не вернулся с работы; мама и Аллочка смотрели на него такими глазами, что сразу было видно, как они его любят; уроков по субботам не задавали. Пообедав, Вадик и в самом деле нарисовал цветными карандашами на листе бумаги домик с четырьмя трубами и целой кучей кривых окон. Из каждой трубы тянулись длинные клубы дыма. Аллочка восхищалась и дымом и окнами. А при виде двух цветков неизвестного вида, которые выросли перед домиком, она залилась радостным смехом.

— Это ещё что! — сказал Вадик. — Я тебе и самолёт нарисую, и ракету со спутниками! Только сейчас не погулять ли мне?

— Конечно, погуляй, — сказала мама. — Дождь перестал. С Аллочкой я сама поиграю. Ты ещё насморком от неё заразишься.

Нарочно Вадик чихнул: вот, мол, какой он хороший — не побоялся заразиться, сидел с простуженной сестрёнкой, веселил её.

Настроение у Вадика давно исправилось. Но когда он вышел во двор, что-то опять у него заскребло на душе, и он сам не мог понять, в чём тут дело. Двойка? Нет, не двойка. Конечно, ещё с папой предстоит разговор не очень-то приятный, но всё-таки двойка позади... Что же такое?

Девочки отчего-то не гуляют. Надя-то какая изменщица! Сама с Басковым дралась, а потом разговаривала с ним как ни в чём не бывало. Но, как-никак, она отплатила Баскову за

его дразнение. Уж больно Надя скорая: раз-раз, сразу кинется, сразу закричит. Аня не такая: гораздо медленнее, всё о чём-то думает. И рассуждает. И братьев своих всё воспитывает: так делайте, так не делайте. А то молчит и думает-думает. А что она теперь думает о нём, Вадике? Что обе девочки думают?

И вдруг Вадик понял, почему как-то ему не по себе. Ведь он же опозорился перед девочками! И Надя и Аня всегда говорят: «Вадик у нас такой умный! Вадик скоро второклассником станет!» Сами-то они ещё дошкольницы. А тут... ревел, как трёхлетний, двойку схватил — ещё посмотрим, как вы сами будете учиться! — тётенька хотела его в милицию тащить, Басков над ним при девочках насмеялся... Может, уж они думают, Надя с Аней, что вовсе Вадик не такой и умный? И не такой умелый, и не так уж много знает? Может, уж они думают, что он простофиля, хоть и школьник, и старше их на целый год?

Надо бы девочкам доказать, что он не какой-нибудь, а умный, ловкий и догадливый. Чтобы девочки его ещё больше, чем прежде, уважали. Только чем докажешь? Вот бы найти того мальчишку, которого они ищут! Но как? Ходить по квартирам Вадик у не хотелось...

Раздумывая, он всё шагал и шагал по тротуару перед домом. На повороте поднял голову и вдруг нос к носу столкнулся... с Басковым!

Будь у Вадика глаза не только на лице, а и на спине, он бы видел, что Вовка Басков давно крадётся за ним сзади. Потихоньку крадётся, пригнувшись и стараясь быть незаметным. Если бы Вадик не повернулся внезапно, то ещё долго мог бы не увидеть Баскова.

Вадик слегка отпрянул от неожиданности и, сделав равнодушное и скучноватое лицо, остановился.

А Басков смеялся с хитрецей.

— Злишься? — спросил он миролюбиво.

Вадик неопределённо пожал плечами.

— Квиты мы с тобой! — своим пронзительным голосом объявил Басков. — Я тебя дразнил, а на меня тоже дразнил-

ку пустили. — Про дразнилку он сказал небрежно и таким тоном, словно была это какая-то птица, которую выпустили, а она взяла, да и села ему на голову. — Значит, мы уже квиты.

Вадик подумал и строго сдвинул брови:

— Некогда мне с тобой разговаривать. Я тут придумываю. Как лучше выследить!

— Чего такое? — спросил Басков. — Почему — выследить?

— Сыщик я! — важно сказал Вадик. — Не видишь, что ли?

— Не вижу, — признался Басков и с любопытством оглядел Вадика с головы до ног. — В сыщиков играешь? А кого ты следишь?

— Ничего не играю. Поручили мне. Дело в том, что... Да можно ли тебе говорить? Умеешь ли ты тайны-то хранить?

— Гадом буду, если проболтаюсь! — быстро сказал Басков. — Ну? Говори! А то ведь у меня и кулаки близко...

— Грозишься? — украдкой Вадик покосился на руки Баскова, засунутые в карманы. — Под угрозами советские разведчики не сдаются!

— Да не грожусь я! Просто так... само сказанулось. Давай, давай, Сойкин, рассказывай! Ну, пожалуйста!

— Пожалуйста — это другое дело. Слушай! Только помни, что тут бо-ольшой секрет!

Вадик отвёл Баскова за угол дома, прижал спиной к стене, оглянулся по сторонам и вполголоса, временами переходя на шёпот, поведал Баскову о том, какие странные дела творятся у них во дворе.

Завёлся какой-то злодей, усатый такой дядька. Он бьёт дошкольников, одного так излупцевал, что тот кричал во всё горло, долго унять не могли, даже, может быть, заикаться стал с перепугу и от побоев. И надо этого дядьку выследить. Вот!

Вадик дал понять, очень туманно, но всё-таки догадаться было можно, и Басков догадался, что выследить дядьку ему поручили дружинники.

Кое-кто — опять можно было догадаться, что «кое-кто» из дружины, — пытался выяснить, что и как, по квартирам ходили, но пока безуспешно. . .

— По квартирам ходить — это без толку! — с жаром сказал Басков. — Всё равно не признаются. Ещё хуже скроются. Во дворе надо выследить. Которые с усами! Ты правильно делаешь, что снаружи сторожишь. Пойдёт же он когда-нибудь домой. А мы за ним! Ты его удержишь, запутаешь как-нибудь, а я живо в штаб дружины сбегаю, дружинников приведу. Я знаю где штаб. Недалеко. И по субботам они как раз непременно дежурят.

— Как это я его запутаю? — с обидой в голосе сказал Вадик.

Уж этот Басков! Только-только ему рассказали, злой дядька не его, а он уже распоряжается. Распределил, что кому делать. Сразу командует!

Но Басков не заметил, что Вадик обиделся.

— Могу и я задержать, — сказал он деловито. — А ты в штаб сбегаешь. Я тебе объясню, где штаб.

— А то я сам не знаю! — пробормотал Вадик, хотя и понятия не имел, где находится штаб дружины.

— Ну, давай следить. Ты в тот конец двора иди, а я в другой. Потом сходитья будем. Так и станем прочёсывать местность.

Какие слова Басков знал! Вадик таких и не слыхивал.

— Живо! Действуй!

Басков подтолкнул Вадика в спину, пальцем показал ему, куда идти, и вприпрыжку убежал.

Издали Вадик видел, как Басков носится от подъезда к подъезду, то быстро, то трусит помаленечку, но всё время почему-то выделявая замысловатые восьмёрки. Похоже было, что Басков не пешком движется, а катается на велосипеде — очень плохо катается.

«Кажется, Надя говорила, что мальчик в тубетейке — пле-

мянник злого дядьки, — подумал Вадик. — Значит, живут они вместе».

Нужно бы сказать Баскову, что Вадик знает, в каком корпусе живёт усатый, — ведь он уже туда ходил с девочками. Но вернуться домой дядька может с любой стороны. Так что если Басков хочет его выследить заранее, не возле самого дома, то не так уж глупо выслеживать в разных местах.

Но, может, Вадик хотел пойти как раз в ту часть двора, а Басков пусть бы здесь слонялся. Командир нашёлся! Вадик уже казалось, что найти злого дядьку ему и в самом деле поручили дружинники. Ведь это ему доверили дело, а Басков вмешался и делает по-своему...

Уныло побродив вблизи домов, Вадик отправился к воротам. В каждого встречного пристально вглядывался. Много людей ходит через их двор, просторный, со всех сторон открытый. И даже один усатый попался на пути Вадика. Но усы у этого прохожего были крошечные, еле виднелись над верхней губой. А у дядьки того, Надя говорила, усы длинные и висят. Мало вообще людей, которые с длинными усами. Примета верная. А вдруг дядька усы... сбрил? Вадик прямо оторопел от такого предположения. Как же тогда дядьку узнать? Да не сбрил. Ведь он не знает, что за ним следят. Довольно скучно так ходить. И дождик опять накрапывает. Домой бы уйти, но... Басков не позволит. Скажет: покинул пост. Зря он с ним связался...

Резкий заливистый свист прервал невесёлые думы Вадика. Во всех первых классах их школы да, пожалуй, и во вторых классах тоже, один Басков умел так свистеть. Скуку с Вадика как ветром сдуло. Что-то там у Вовки случилось. Со всей быстротой, на которую были способны его тонкие ноги, Вадик пустился бежать в тот край двора, откуда донёсся свист.

Сердце у него так и запрыгало от бега, а главное, от зрелища, которое он увидел.

Невдалеке от одного из корпусов стоял какой-то человек в кепке и в чёрном пальто. А вокруг него плясал Басков. Так в книжках про первобытных людей древние дикари пляшут

вокруг костра. Вовка Басков подскакивал, высоко задирая ноги, вертелся, размахивал руками, извивался всем телом. Из рта у него вырывались трескучие и непонятные словечки.

— Уля-ля! Трамби-бамби! — выкрикивал Басков. — Квак-квак-переквак!

Оглянувшись через плечо на подбегавшего Вадика и не переставая исполнять дикарский танец, Басков, весь красный, завопил:

— Окружай! Атакуй! С усами!

Тяжело дыша от волнения и бестолково двигая локтями, Вадик присмотрелся к неподвижно стоявшему человеку. Это был невысокий старик. Под носом у него грозно топорщились седые длинные усы. Косматые брови слегка шевелились. Взгляд глубоко сидящих среди морщин глаз был сердит и полон недоумения. Старик стоял, расставив ноги, словно врос в землю, и молчал.

Старик показался Вадиду страшно-ватым, и как к нему подступиться, он не знал. Между тем уже смеркалось, людей рядом не было — Вадиду стало жутко.

От странных своих выкриков Басков охрип: сдавленно приказал Вадиду:

— Держи, тебе говорят! В штаб побегу!

И тут старик протянул очень длинную, как показалось Вадиду, руку и схватил Баскова за плечо.

— Бесноватый ты, да? — спросил он тонким голосом. — Откудова такой

взялся? Помоги, мальчик! Сейчас ремешком его скручу, в больницу для психов отправим.

Басков отчаянно вырывался, но старик держал его крепко, свободной рукой расстегнул пальто и взялся за брючный ремень.

— Ух ты, злодей! — гневно и хрипло закричал Басков. — Мало ты дошкольников колотил, ещё за школьников принялся! Нет уж, нет! Велели тебя задержать, всё равно задержим!

Не сняв ремня, старик поставил перед собой Баскова, обеими руками держа его за плечи, взгляделся ему в лицо:

— Ты что мелешь? Каких я дошкольников бил? — Он повернулся к Вадику. — Этот малец — что? И верно, того... психически ненормальный? Я думал, может, в старинных индейцев по-хулигански играет?

— Нет, он нормальный, — пробормотал Вадик. — Это Басков из нашего класса...

Басков крикнул сипло:

— В штаб дружины отведём, узнаешь, какой я психический!

— Это меня-то в штаб? — прогремел старик. — За что же?

— Велели! — смело ответил Басков. — За битьё малолетних!

— Опять ты за своё, чумовой? — рассердился старик. — Мне скоро восемьдесят, я ребёнка пальцем не тронул. «Велели!» Кто велел-то?

— У него спросите! — Басков ткнул пальцем в сторону Вадика. — Он всё до капельки знает!

Сердитые глаза старика будто сверлили Вадика.

— Кто велел меня задержать, ну-кась?

— Надя, — пролепетал Вадик. — Она не то чтобы задержать, а найти вас просила. А уж потом... меры против вас принять...

— Надя? — переспросил старик. — Это кто ж такая?

— Дружинница, наверно! — просипел Басков.

— Нет, она не дружинница, — несчастным голосом сказал Вадик, и ему вдруг очень-очень захотелось домой к маме. — Она просто девочка. В детсад ходит... Да ты её, Вовка, ещё сегодня побил. За дразнилку...

— Эта? — завопил Басков. От удивления и возмущения к нему даже голос вернулся. — Эта велела? Так что ж ты, гад, про дружинников врал?

Старик слегка встряхнул Баскова и отпустил, даже немного отстранил от себя рукой.

— Не ругайся! И не ори! На меня шум сроду неприятно действует. Разберёмся. Так какая это Надя в детсад ходит? Погодите! Это не Наденька ли, что с детьми Петра Петровича Иванова дружит? У них старшая Аня и Петя есть шальной! Не стал бы со временем вроде вот этого. — Старик показал на Баскова.

— Ну да, она с Аней дружит, — закивал Вадик. — И Аня тоже просила искать... Вы ведь с усами!

— А маленького правда били? — спросил Басков. — Или тоже наврал?

— Правда, правда! Надя сама видела! Только, наверно,

не вы били... — Вадик тоскливо посмотрел на старика и хлюпнул носом: в носу стали скапливаться слёзы.

— Конешное дело, не я, — сказал старик. — Рассказни ваши про какое-то битъё мне непонятны. Всё это я досконально выясню. А за то, что ведёте вы себя как последние безобразники, на честных граждан насакиваете хуже диких обезьян, надо вас выпороть.

Он снова стал нащупывать под пальто брючный ремень.

Басков и ухом не повёл. Человека бывалого, его уже выпороли однажды за то, что чуть не устроил пожар, налаживая факелы из клочков пакли и спичек. А Вадик задрожал: его-то ни разу в жизни пальцем не трогали.

Вглядевшись в лица мальчишек, старик свирепо пошевелил усами и рывкнул:

— Р-разойдись! Ж-живо по домам!

Во весь дух, без оглядки Вадик помчался к своему дому.

— Ну, Сойкин! — опять срываясь на хрип, прокричал ему вслед Басков. — Попадись мне теперь на переменке!

НАДЯ И ЕЁ МАМА

Обо всех этих событиях Надя и не подозревала.

С прогулки она пришла грязная-прегрязная. Берет, поймавший в луже, пришлось стирать, ботинки поставили сушиться возле батареи парового отопления. Про чулки и говорить нечего — мама велела Наде немедленно их снять и дала ей чистые. Пальто тоже просушивали. Потом на лестничной площадке его повесили на перила, и Надя долго чистила своё пальто щёткой. Мама в это время искала в коробке подходящую пуговицу: две пуговицы висели на ниточках, а одна пуговица от Надиного пальто совсем потерялась.

Мама была очень недовольна.

— В таком виде девочки с прогулки не приходят, — говорила она. — Вот я папе всё расскажу, когда он придет. Если бы ты ещё была мальчишкой...

Редко мама сердилась на Надю, а тут отчитывала её без конца. Надя даже пожалела, что она не мальчишка, и немножко всплакнула:

— Мамочка, но ведь так трудно найти этого мальчика в тубетейке! Никак не отыскивается! Оттого всё и случается... подряд...

— Какого мальчика в тубетейке? О чём ты, Надя? Сейчас же возьми носовой платок!

Рукой Надя утирала слёзы на щеках и под носом. Она послушно достала из кармана передника платок, высморкалась. И кинулась к маме, сидевшей у стола, обхватила её за шею.

— Не сердись, мамочка! Ты у меня всегда такая добрая, не могу я, когда ты сердишься... Мальчика где-то бьют, а он маленький, худенький... ну, как же это?

И вот Надя сидит у мамы на коленях и всё-всё ей рассказывает.

Мама удивляется, расспрашивает о подробностях, сочувствует Ане, что Петя от неё убежал, когда они разговаривали со старушками, смеётся над проделками Кудряша, хоть и качает головой:

— Ходили в чужую квартиру. и ты мне ничего не сказала: не годится так делать, Надюша!

Смущённо Надя рассказывает и про дразнилку, которую она

кричала Баскову. Из-за этой дразнилки и берет в лужу попал...

Прикусив нижнюю губу, мама хмурится:

— Ну-у, Надюша, что ж это ты? Девочке так себя вести просто даже неприлично.

Надя краснеет, но на душе у неё легко и весело. Кажется,

что какую-то тяжесть она с себя сбросила. Она прижимается к маме, целует её и сама не понимает, как могла она так долго ничего не рассказать своей мамочке. Просто так уж вышло. Хорошо, что наконец рассказала!

Теперь вместе с мамой они придумают, как найти мальчика в тубетейке и как ему помочь. Завтра с самого утра начнут придумывать. Ведь завтра воскресенье и маме не надо идти на работу.

ПЁСТРАЯ ТЮБЕТЕЙКА

Воскресное утро выдалось дождливое. Вот досада! А Наде так хотелось побежать к Ане и поделиться с ней радостной новостью: Надина мама всё знает и что-нибудь им посоветует.

— Как только дождик кончится, побегу во двор, — сказала Надя.

— Сегодня мы вместе погуляем, — сказала мама. — Мне надо съездить в «Пассаж», возьму тебя с собой, а потом по набережным погуляем, там очень красиво. Вообще... не слишком ли много ты бегаешь одна во дворе? — Мама озабоченно посмотрела на Надю. — Будь хорошей девочкой, Надюша, прошу тебя! Скорей бы уж папа вернулся из командировки!

— Так ведь он же вчера прислал письмо, что скоро придет, — напомнила Надя.

Стараясь быть хорошей, она принялась за шитьё. Минут десять, длинных-предлинных, Надя сидела смирно и ковыряла иголкой куклину рубашку. Дней шесть назад мама скроила эту рубашку для куклы Зины. Нитка попалась непослушная: она тянулась за иголкой и всё время скручивалась и путалась.

От ниткиных каверз Наде даже пить захотелось. Она пошла в кухню попить водички и заодно поискать Мурку. Не мешало Мурку с Надей немножко поиграть.

В кухне за столом сидела, подпершись рукой, тётя Клава и думала вслух:

— Выбросить мне устарелые галоши, или они ещё осенью поносятся?

— Кис-кис! — звала Надя. — Коша! Коша!

Тётя Клава сказала, не замечая, что говорит:

— Да вон она, твоя калоша, лежит под паровым отоплением.

И Надя так смеялась — прямо остановиться не могла. Смеялась и кружилась по кухне, распевая:

— Коша-калоша! Коша-калоша!

И вдруг всю её насквозь пронзила страшная нестерпимая боль. Надя задохнулась от своего собственного крика.

Только потом она узнала, что задела локтем, столкнула с газовой плиты и вывернула себе на ногу кастрюлю с кипящим супом. А тогда она ничего не понимала от боли.

Суетились, бегали, что-то говорили, всхлипывали мама и тётя Клава. Хлопали двери. Надя лежала на диване. Кажется, с неё снимали чулок. Ногу жгло огнём. Надя кричала. Перед глазами у неё плыл красный туман. Она точно потонула в тумане и крике. Смутно-смутно слышала, что в комнате разговаривает и двигается кто-то ещё, кроме мамы и тёти Клавы. Мелькало мамино помертвевшее от испуга лицо. Что-то делали с Надиной ногой, может быть, сдирали кожу...

Внезапно Наде стало легко и тихо: боль отпустила. Так хорошо сделалось, что даже не верилось. Наверно, от этого блаженства Надя заснула, потому что ей приснился фокусник Павел Иванович. В белом халате и в белой шапочке, он наклонился над Надей и ласково её успокаивал:

— Сейчас, Надюша, сейчас! Вот ещё маленький укольчик сделаем — и будет всё в порядке...

В Надину руку остро кольнуло повыше локтя. Туман рассеялся. Теперь фокусника было видно очень ясно. Он сидел на стуле возле дивана. Надя смотрела на него и ничего не говорила. Зачем разговаривать с тем, кто снится? Она отдыхала от ужасной боли. Но какой отчётливый сон, всё-всё как по правде. Вон и мама стоит, лицо заплаканное...

Надя обвела взглядом комнату и вскрикнула.

— Ты что? — фокусник взял Надю за руку и стал щупать пульс.

— Там... — другой рукой Надя показала на стол.

На столе, среди пузырьков, склянок, разбитых ампул, кусков марли, лежала пёстрая тубетейка.

— А где же мальчик? — тихонько спросила Надя.

— Бредит! — заплакала тётя Клава.

Фокусник внимательно посмотрел Наде в лицо:

— Не похоже... О каком мальчике ты говоришь, Надюша?

— Нет, я не сплю! — громко сказала Надя и пощупала белый халат Павла Ивановича. — Вы теперь превра-

тились в доктора? Вы же фокусник, вас Петя часто вспоминает.

— Какой фокусник? — ужаснулась мама. Про фокусника Надя забыла ей рассказать.

— Ой, беда, беда! — запричитала тётя Клава. — Обварилась наша деточка, да и помешалась!

А Павел Иванович откинулся на спинку стула и расхотался. Потом полез в карман, достал седые усы, как-то прикрепил их под носом, надул щёки и приказал басом:

— Отвечай, что за мальчик? А то превращу тебя в стрекозу, чтобы кастрюльки с плиты не сталкивала.

Надина нога протянулась на чистой простынке, прикрытой марлей, вся жёлтая, чем-то облитая и обмазанная. А сама Надя крепко вцепилась обеими руками в большую руку усатого дядьки-фокусника — доктора Павла Ивановича. Не исчез бы опять или не превратился бы в кого не надо!

Всё-всё рассказала ему Надя: как кричал мальчик и на голове у него пестрела эта самая тубетейка, которая сейчас лежит на столе, и у дядьки свисали такие же усы...

— В то воскресенье это было, говоришь? — улыбнулся Павел Иванович. — Ну конечно, ты нас и видела. Совсем я на стадион собрался, когда прибежали из восемьдесят пятой квартиры...

— Да уж, поди, весь жилмассив знает, что живёт у нас детский доктор, — растроганно сказала тётя Клава. — И в воскресенье-то не дадут отдохнуть, и вечером, если что случится... И хоть бы на нашем участке вы были, а то и вовсе в больнице работаете. Другого района!

— Так как же его зовут, того мальчонку? — сказал Павел Иванович. — А-а, вспомнил: Витенька...

— Витенька?! — воскликнула Надя. — Того перекутанного малыша тоже зовут Витенька! Мы его видели, его Вадик на лестнице повалил.

— А частенько случается, что, кого ищут, тот рядом находится, только не замечают этого люди, — задумчиво промол-

вил Павел Иванович. — Наверно, тот самый Витенька и есть. Его ужасно кутают. Уж я им говорил, бабушке его и маме, что кутать детей очень вредно. Так вот этот Витенька подхватил сильнейшую ангину. Надо сразу пенициллин. А он так укола боялся, что на подоконник вылез, кричал, как будто его режут, и один ус мне оторвал. Это уж я после приклеил. Мне для любительского спектакля усы нужны, так я их в кармане таскал.

— А тюбетейку он вам подарил, Витенька? — спросила Надя.

— Наоборот, я ему подарил. Это другая тюбетейка, не та самая, а просто такая же. Сделал я как-то тюбетейки из разноцветной бумаги, тоже для спектакля одного, а они оказались волшебные. Наденешь такую тюбетейку, и боль проходит. Если и не сразу, то очень скоро. Пройдёт боль, успокоится больной и заснёт.

— Волшебная, значит, тюбетейка? Хорошо-то как! Дядя Павел Иванович, а кто это аспид?

— Не кто, а что. Аспид — это такой сланец, ископаемая порода горная. Аспид чёрного цвета. Из него прежде делали доски для школ, чтобы мелом на них писать. Они так и назывались — «аспидные» доски. Или грифельные.

— До-оски?! А зачем же так людей называют?

— И ещё аспид — это змея ядовитая. В сказках змеи, злющие, лютые, тоже аспиды. В честь змеев этих, так сказать, и бранились люди в старину «аспидами». Теперь уж редко так говорят. Наверно, ты от какого-нибудь старого человека слышала... Так вот наденет больной волшебную тюбетейку, и так славно ему станет. И заснёт он. Вот так.

Павел Иванович взял со стола тюбетейку и надел её на Надю. И она правда заснула.

Приснился ей белокурый Витенька в пёстрой тюбетейке.

— Я ревел просто со страха, укола боялся, — сказал он Наде. — Никто меня не бил. Ты рада, да? Но, может быть, где-то рядом кого-то бьют, кому-то плохо. Когда тебе самой хорошо, ты не забывай об этом, слышишь?

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

В понедельник после детского сада Аня пришла к Наде узнать, почему не было её подружки в группе.

Ещё в передней тётя Клава рассказала Ане, какая у них

приключилась беда. В комнату Аня вошла с таким страдальческим лицом, словно сама обварилась.

Увидев подругу, Надя поспешно села в кровати и взволнованно затараторила:

— Что случилось! Что случилось! Просто невозможно, что случилось!

— Нога очень болит? — тихонько спросила Аня, присаживаясь на стул возле кровати.

— Да что нога... — Надя махнула рукой. — Ты слушай, что я тебе расскажу! Болит, конечно, но уже меньше. Павел Иванович знаешь какой замечательный доктор!

— Доктора тоже зовут Павел Иванович? Как фокусника?

— Не тоже! Не тоже! — закричала Надя. — А он самый фокусник и есть! И дядька с усами — тоже он! Ты только подумай, Анечка! И Витеньку никто не бил!

Да-а, новости были поразительные. Аня в себя не могла прийти от изумленья.

Несколько минут девочки изумлялись вместе. Надя смеялась от радости.

Потом Аня сказала:

— У нас тоже странности. Вчера вечером к нам приходил Трофим Иванович... Подумай, Надя, на него во дворе напали мальчишки. Совсем какие-то ненормальные. К дружинникам хотели его тащить, это Трофима Ивановича-то! Такого пенсионера! Будто бы он какого-то маленького мальчика избил...

— Дураки! — сказала Надя. — Разве Трофим Иванович такое делает? Ой, наверно, где-нибудь всё-таки бьют малышей, — добавила она с беспокойством.

— Но Трофим Иванович сказал, что мальчишки ему сказали: это ты, Надюша, велела его схватить...

— Я?! — Надя подскочила, сидя в постели. — Велела?

Быстро вошла мама.

— Что ты кричишь? Не вертись так, ногу разбередишь. — Она поправила подушки. — Всё у вас какие-то происшествия... Что вы за девочки такие?

— Мамочка, мамочка! Ты только послушай!
— Некогда мне сейчас. Лежи спокойно, а то нога хуже заболит.

Мама ушла на кухню: что-то у неё там жарилось.

— Я ему сказала, Трофиму Ивановичу, что этого не может быть, — оправдывалась Аня. — А он разворчался... Просто ничего не понимаю... Ну, может, потом поймём. Трофим Иванович говорит: «Я до всего дознаюсь». Так, значит, этот закутанный, как на Северном полюсе, Витенька и есть мальчик в тюбетейке? Так мне всё странно, дивлюсь, прямо не знаю как. А может, это всё-таки не он?

— Он, он! Павел Иванович ему в это самое время за этим самым окном укол делал!

— А тебе бы хотелось мальчика в тюбетейке, Витеньку, значит, увидеть?

— Ой, как хотелось бы! — воскликнула Надя. — Но ведь я лежу, мне его и во дворе не повстречать.

Аня задумалась.

Ещё день она думала, а потом решилась.

Девочка Аня была застенчивая. Поэтому, стоя совсем одна у двери квартиры, в которой жил Витенька, она то краснела, то бледнела. В какой именно квартире живёт Витенька со своей очень полной бабушкой, она спросила на лестнице у встречной женщины, и та сразу ей показала.

От смущенья Аня смотрела в пол, а не на молоденькую белокурую женщину, открывшую ей дверь.

— Скажите, пожалуйста, — произнесла Аня чуть слышно. — Извините, пожалуйста! Мне очень нужно... поговорить с Витенькиной бабушкой.

Дверь перед Аней распахнулась во всю ширь.

— Заходи, девочка! Не бойся. Мама! — крикнула белокурая. — Тебя тут маленькая девочка спрашивает.

В переднюю выплыла бабушка с поварёшкой в руке.

В широченном халате она показалась Ане ещё толще, чем тогда на лестнице.

— Никто Витеньку вашего не бил, — сообщила ей Аня.

На мгновение бабушка остолбенела. Потом закричала:

— Что-о? А кто же мог его бить, крошечку нашего? Кто его бить хотел? Да я тому злодею...

— Злодей оказался доктором, — чуть не плача, проговорила Аня.

— Мама, мама! — вмешалась молоденькая. — Ну что ты кричишь? Напугаешь девочку. Идём, маленькая, сядем, объясни нам, чего ты хочешь?

В комнате Аня увидела Витеньку, который стоял и смотрел ей навстречу, положив в рот палец.

— Славенький какой! — улыбнулась Аня и осмелела.

Белокурая мама Витеньки подставила ей стул, Аня села и толково рассказала, почему они с Надей без конца искали Витеньку. Бабушка охала, ахала, всплёскивала руками и всё время восклицала:

— Скажите пожалуйста, какая история! Это надо же — такое происшествие!

И сжимала руками виски: одна мысль о том, что кто-то мог побить её драгоценного внука, приводила бабушку в ужас. Дочь бабушки взяла сынишку на руки и, слушая, целовала его в пушистый затылок.

— А фокусник... Ой, что это я!.. доктор Павел Иванович сказал, что Витеньку не надо кутать. Тогда он будет реже болеть, — вставила Аня.

— Говорю я тебе, мама, говорю! — воскликнула бабушкина дочка, на которую Витенька был очень похож. — А ты кутаешь!

— И ещё доктор говорил, мне Надя сказала, — продолжала Аня, — что надо бы Витеньке побольше играть с другими детьми. В садик-то он у вас не ходит. Вы приводите его к нам, пусть поиграет с Ваней и с Петей. Петя, правда, очень озорной, но я

за ними присмотрю. А главное, пожалуйста! Я ведь за этим и пришла. Пожалуйста, покажите Витеньку Наде! Ей так хочется, она так обрадуется, ведь у неё с ногой... Это ей как подарок будет!

Через несколько дней Надиной маме и тётё Клаве пришлось стулья со всей квартиры перетаскать в спальню и расставить возле Надиной кровати. Столько человек пришлось навестить Надю, что хватит ли пальцев на обеих руках, чтобы сосчитать?

Бабушка Ивановых сидела на стуле, как всегда, повязанная белым платочком. Аня, прислонившись к её плечу, нет, да и грозила пальцем Пете. Петя примостился у радио-приёмника и разглядывал рукоятки.

Ольга Владиславовна улыбнулась Наде, о чём-то разговаривая с её мамой.

Гуляя с Кудряшом, она повстречала Аню с Петей и от них узнала о том, что случилось с Надиной ногой.

Трофим Иванович, как пришёл, протянул Наде свёрточек. Там оказался... игрушечный пистолет.

— Хотя ты и девочка, а вот тебе оружие, — сказал старик. И пошутил: — Это чтобы другой раз сподручнее было меня окружать.

Он уже знал, по каким причинам мальчишки на него напали.

— Ещё бы Павел Иванович пришёл! — откинувшись на подушки, мечтательно сказала Надя. — Да некогда ему, он в детской больнице работает, далеко отсюда. Все между собой перезнакомились — чудеса!

Но смотрела она всё время на одного из гостей: на Витеньку. Ведь и он был здесь со своей бабушкой! Надя глаз не могла от него отвести.

Витенька был не такой, каким она его запомнила, увидев в окне, и не такой, каким он ей приснился. Он оказался меньше ростом, младше — ему и трёх лет не было, — поэтому сказать приснившиеся Наде слова он никак бы не сумел. Витенька был тоненький, белоголовый, как одуванчик, и очень хорошенький.

Вместе с Ваней он сосредоточенно играл на ковре Надинными игрушками и ни на кого не обращал внимания. Ведь он и понятия не имел о том, сколько хлопот доставил ребятам.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Мальчик в окне	5
Ужасные дети	7
Фокусник	12
Где-то рядом...	18
Поиски начинаются	20
Кудряш	27
Петя подводит	35
Куда все девались?	40
Поразительная история	44
Опять происшествие	49
Которые с усами	55
Надя и её мама	65
Пёстрая тибетейка	67
Скажите, пожалуйста!	73

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте отзывы о прочитанных вами книгах и пожелания об их содержании и оформлении.

*Укажите свой точный адрес и возраст.
Пишите по адресу: Ленинград, Д-187,
наб. Кутузова, 6. Дом детской книги издательства «Детская литература».*

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Котовщикова Аделаида Александровна

ПЁСТРАЯ ТЮБЕТЕЙКА

Ответственный редактор *Н. Л. Страшкова*. Художник-редактор *В. В. Куприянов*. Технический редактор *Л. Б. Леонтьева*. Корректоры *Л. К. Маляко* и *К. Д. Немковская*. Подписано к набору 20/XII 1965 г. Подписано к печати 19/II 1966 г. Формат 70 × 90^{1/16}. Бум. № 2. Печ. л. 5. Усл. п. л. 5,85. Уч.-изд. л. 4,1. Тираж 100 000 экз. ТП 1966 № 223. Ленинградское отделение издательства «Детская литература». Ленинград, наб. Кутузова, 6. Заказ № 723. Цена 24 коп. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград. 2-я Советская, 7.

